

Глава III. ЯНВАРЬ – МАРТ

1919

Революционно-Военный совет РСФСР во главе с Троцким недооценивал ситуацию на Украине и силу революционного порыва украинских трудящихся.

Главком Вацетис[160] задерживал отправление вооруженных сил на Украинский фронт и предлагал Антонову-Овсеенко ни в коем случае не предпринимать наступления на Харьков.

Вацетис телеграфировал Антонову-Овсеенко: «...Так как Украинской армии вы еще не сформировали, то никаких стратегических задач ей не могло быть дано. Стратегические задачи на Украине настолько обширны, что для разрешения их требуется несколько армий, что по силам лишь войскам РСФСР; поэтому тем 3-4 полкам, формирование которых вами еще не закончено, мною никогда и не ставилось стратегических задач...»[161].

Подавление контрреволюции на Дону, являлось главной задачей стратегии РВС РСФСР, но она не была выполнена. Революционные же силы Украины, вопреки скептической оценке со стороны РВС РСФСР развернулись во всю ширь, буквально молниеносно объединив сотни больших и малых повстанческих отрядов, предоставив территорию и вооруженные отряды командованию двух украинских дивизий.

Антонов-Овсеенко одну дивизию направил на Киев, а вторую, без ведома Главного командования РСФСР[162], повел на Харьков, и 20 декабря 1918 г. занял Белгород, потеряв в бою 12 убитых и 11 раненых.

В результате упорных боев под Казачьей Лопанью и Салтино, Грайвороном и Золоченым, потеряв в боях до трехсот убитых и раненых, советские украинские войска 3-го января 1919 вступили в Харьков.

После военного парада и встречи с жителями Харьков был объявлен на военном положении.

4 января в приказе по Украинской армии значилось: «Отряд Павла Дыбенко, прибывший 3 января в составе бронепоезда № 8 с 4-мя 37-мм орудиями, 17 пулеметами, 150 штыками прикрытия, считать в составе группы войск Харьковского направления».

Отряду ставилась задача: занять Лозовую, связаться с повстанцами в Павлограде, войти в связь с Махно, вести разведку к Славянску и Полтаве[163].

6 января приказом Главкома Вацетиса создан Украинский фронт.

Войска были реорганизованы. Для руководства фронтом создан Реввоенсовет в составе: командующего Антонова-Овсеенко и членов Реввоенсовета К. Юбинского[164] и Щаденко. Начальником штаба фронта назначен Глаголев, начальником политотдела — Назаров.

В состав Харьковской группы войск вошли: 2-я Украинская советская дивизия (без 6-го полка), которая наступала на Полтаву и Кременчуг, и два отдельных отряда: один из них под командованием П. Дыбенко двигался в направлении Харьков-Мерефа-Лозовая-Павлоград-Синельниково-Екатеринослав, то есть в махновский район; второй — левозеро-вский отряд В. Саблина, в который вошли: батальон Михайловского (взятый у Дыбенко[165]) и полк интернационалистов, действовавший в направлении Донбасса.

Командующим группой войск Харьковского направления был назначен В. Х. Ауссем[166], начальником штаба Кассер.

13 января 1919 г. Правительство Украины утвердило «Положение о создании волостных и сельских комитетов бедноты», к которым переходила вся полнота власти на местах, где не было ревкомов.

Согласно Положению право избирать и быть избранным в комитет бедноты предоставлялось всем жителям сел, за исключением кулаков, использовавших чужой труд и продававших хлеб по спекулятивным ценам. Среднякам предоставлялось право избирать в комбеды, но сами они не могли быть избранными в их состав.

Сельский комитет бедноты избирался из трех человек на общих собраниях всех, кто имел право избирать и быть избранным.

Волостной комбед избирался в составе 5–7 человек на съезде представителей от сел волости[167].

Исследуя махновщину М. К. Кубанин писал:

«Органами проведения нашей продовольственной политики должны были быть комбеды. Это была основная цель их создания на Украине. Но введение продразверстки в 1919 г. не расслоило села, хотя по декрету 1 апреля освобождались от уплаты разверстки хозяйства с количеством десятин меньше 5. Комбеды, на которых лежала обязанность “оказывать местным и продовольственным органам содействие в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев”, этого не делали или делали вяло. Причиной этому было то, что у комбедов стимула к активному содействию продорганам не было. У кулака отбирали хлеб и садили его на паек; на таком же точно пайке должен был сидеть и бедняк. Излишки шли в город. А паек был не из роскошных: на продовольствие оставлялось на год 13 пудов зерна или муки (в том числе 12 пудов на душевое потребление (это 500 гр. в сутки — А. Б.) и 1 пуд на случайные расходы) и 1 пуд крупы. Кроме этого Советское правительство крестьянину ничего не давало и дать не могло. Скоту тоже был положен такой же скудный паек: рабочей лошади на голову не более 25 пудов зерна, жеребят до 1 года — по 5 пудов, крупному рогатому скоту — не более 9 пудов, молодому рогатому скоту до 1 года — до 5 пудов. Если у кулака после реквизиции эта голодная норма оставалась, то бедняк, который эту голодную

норму должен был получить из органов наркомпрода, зачастую даже и этого не имел, ибо государство необходимого количества собрать не могло...»[168].

Харьковское правительство считало необходимым обязательно разрушить единство крестьян, внести раскол, натравить их друг на друга, поссорить и расслоить.

Когда на собрании ответственных работников Раковский впервые выступил с докладом по своей доктрине о необходимости расслоения на селе, за расслоение проголосовали 40 ответственных работников, против расслоения 150.

Екатеринославская губконференция уже после постановления ЦК КП(б)У, в значительной части «освеженного» прибывшими из Москвы, о необходимости расслоения села единогласно высказалась против. Даже на V Всеукраинской партконференции часть делегатов, более 80 человек, воздержалась или были против по ряду резолюций, связанных с вопросом расслоения села. Но это не повлияло на принятое ранее решение ЦК КП(б)У. Однако дифференциации украинской деревни в 1919 г. не произошло. Она была единой и враждебно настроенной по отношению к центральной власти.

На поставленный Советской властью на Украине вопрос — продрозверстка и ведущая роль компартии, или помещичье господство — все группы Украины дали один и тот же отрицательный ответ: ни того, ни другого — даже беднота[169]!

Наиболее активно против того и другого выступили крестьяне в районах махновского влияния.

15 января Ауссем сообщал Антонову-Овсеенко: «...Рухимович после двухнедельного молчания признался, что их охрана, рабочий полк и пр. им не подчиняется, сдавать винтовок не желает, а реальных сил у них нет... Прошу обратить внимание на 9-ю дивизию. Имеются определенные указания на чисто белогвардейский характер командного состава. На массу, какую мы в настоящий момент имеем на Украине, такая публика произведет отвратительное впечатление, и я боюсь, что мы многое потеряем...»[170].

«Желательно одновременно с Лозовой ударить на Константиноград. По вступлении в связь с Махно оставить на южном направлении заслон...» — отвечал Ауссему Антонов-Овсеенко[171].

Отряд Дыбенко успешно наступал на Екатеринославском направлении, но развитию операций препятствовал целый ряд обстоятельств.

В частности, 19 января начальник штаба группы Кассер сообщал: «О создавшихся невозможных отношениях между штабом и органами самоуправления. Требования, несмотря на имеющиеся огромные запасы в складах города, не удовлетворяются, отказы носят грубый, притязательный характер, не соответствующий нашему положению, ни тому взаимоотношению между советскими органами, каковое должно бы существовать.

Радиостанция за отсутствием горючих и смазочных материалов прекратила функции; гарнизон за отсутствием продуктов и обмундирования голодает и раздет. Все это нервирует массу солдат. Не установлен порядок подчиненности органов, и на этой почве происходят

инциденты оскорбительного и самоуправного порядка»[172].

Продвигаясь вперед, Дыбенко вышел к Павлограду и Новомосковску, то есть вступил в контролируемый Махно район. 21 января бойцы Дыбенко и повстанцы заняли Новомосковск и станцию Синельникове. 25 января махновскими отрядами был занят город Александровск.

Вот как эти события освещались А. Машицким в его докладной ЦК РКП(б) о положении в Александровске: «...(со слов т. Фалькевича) Александровск был занят 26 января махновскими партизанскими отрядами. Совет объявил себя единственной властью в городе, но скоро был разогнан повстанцами, занимавшимися грабежами и убийствами. Был образован Ревком, избран новый совет, избравший исполком, образовавший 12 отделов.

В городе состоялся крестьянский съезд, показавший свою кулацкую физиономию. Из тактических соображений его не распустили. Он выделил исполком из 35 человек, из них 6 коммунистов и остальные левые эсеры.

Была назначена перерегистрация партии с целью чистки. Левые эсеры вместе с анархистами устраивали в городе митинги самого грязного пошиба. Партийные товарищи эти митинги срывали.

Организованный в городе советский батальон в 3 000 человек оказался ненадёжным. Сказалось анархистское влияние.

Дв[173] в уезде кулацкий и махновский террор усиливается, проводились погромы, бийства, грабежи. Были случаи убийства советских и партийных работников, агитаторов, главным образом в районе Гуляйполя, Орехова, Пологи, Жеребца.

Сам Махно побывал в Александровске и на митинге прямо говорил, что не успокоится, пока не будет хозяином в городе.

Заслуги Махно в борьбе с гетманщиной не позволяли принимать мер против него. За это время он успел организовать большую чисто хулиганскую армию, большей частью из разложившихся прежних воинских частей, постоянно угрожавшую Александровску занятием города.

С приходом штаба Дыбенко анархисты и левые эсеры обнаглели, а чины штаба повели себя возмутительно — занялись реквизицией помещений и вещей без ведома жилищного отдела, часто без необходимости...»[174].

Тогда же главный штаб Махно вел переговоры с Дыбенко, выслав для этой цели к нему делегацию во главе с Чубенко.

Наконец, оговорив основные пункты соглашения, обоюдно утвердив их, части Махно на определенных условиях вошли в состав Красной Армии.

В совместных военных действиях в равной степени были заинтересованы как повстанцы-махновцы, так и советское руководство.

Соглашение было заключено.

Что касается политических пунктов, то их в соглашении нет, так как советские партийные руководители придерживались доктрины, принятой на I-ом и II-ом съездах КП(б)У, где красной нитью проходят решения о бойкоте всех партий, в том числе и анархистов.

В решениях прямо указывалось: «Членами военно-революционных комитетов могут избираться только коммунисты...»[175].

«Партия должна добиваться руководящего положения во всех революционных органах вообще и органах восстания в особенности, и устранять из них все те элементы, которые стали на сторону восстания не в целях утверждения на Украине диктатуры пролетариата...»[176].

II-ой съезд КП(б) Украины, проведенный в Москве, тоже не двусмысленно постановил: «Никакие соглашения постоянного характера с этими партиями в целом недопустимы. Возможны только технические соглашения с отдельными организациями этих партий от случая к случаю — для определенных операций»[177].

Почему ЦК КП(б)У принял такое решение?

Ясно, что на сближение с махновцами пошли не с добра и с дальним прицелом.

Дело в том, что руководящие работники КП(б)У и правительства не были уверены пойдет ли большинство народа Украины за ними. Хотя Манифест Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины от 29 ноября 1918 г. и зажигал сердца крестьян, особенно 6-м пунктом, в котором говорилось: «Все земли помещиков со всем живым и мертвым инвентарем должны быть немедленно отобраны у помещиков и безвозмездно переданы крестьянам»[178] и обеспечивал прилив добровольцев в Красную Армию, все же сил было мало, а врагов много.

Ликвидировать махновцев, под ружьем которых в начале января 1919 г. насчитывалось свыше 20 тыс. штыков и 8 тыс. сабель[179] и занимавших обширную территорию с населением около 1,7 млн. человек, среди которого авторитет и популярность повстанцев были настолько высоки, что затронув их силой, можно было потерять многое.

Поэтому было принято «соломоново» решение — пусть махновцы воюют, пусть бьют нашего врага, а потом посмотрим, решения съездов вполне определены.

Мы же, по простоте душевной, считали само собой разумеющимся, что занимаемая нашими войсками территория нами же и контролируется, а наш анархо-коммунизм служит пролетариату. Места всем хватит — помиримся. А сейчас надо делать Революцию — громить буржуев и золотопогонников.

Заняв под утро 24 января Илларионове[180] и Нижнеднепровск, объединенные войска вышли на исходные позиции для форсирования Днепра и штурма Екатеринослава.

Вечером 26 января 6-й советский полк под командованием Я. Киселя и два батальона 15-го полка, пользуясь тем, что внимание петлюровцев было обращено на форсирование Днепра другими частями в районе Каменки и переправой со стороны Нижнеднепровска, перешли по льду на правый берег р. Днепр севернее Екатеринослава. Одновременно другие повстанческие части вели ожесточенный бой за железнодорожный мост. Защищая переправу, противник перешел в контрнаступление, сосредоточив в этом районе крупные силы. После упорного, ожесточенного боя повстанческие части овладели мостом и заняли часть города. 27 января Екатеринослав был полностью освобожден от петлюровцев, отступивших на Верховцево, Кременчуг.

Мы же сняли свои повстанческие отряды у Екатеринослава — Синельниково и направили их на укрепление линии Александровск-Гуляйполе.

В Крыму и на юге Таврии шло спешное формирование новых частей Добровольческой армии, и ее отряды активно действовали в направлении Александровск-Гуляйполе. В районе Полог появились кубанские кавалерийские части.

Накапливание свежих войск противника свидетельствовало о готовящемся его наступлении.

Растянувшийся на 400 км Донецкий фронт:

Луганск-Бахмут-Гришине-Гуляйполе-Александровск делился на две части. Северная и центральная были подчинены Южному фронту (командующий В. М. Гиттис), в состав которого входили: 8-я (командарм М. Н. Тухачевский), 9-я (командарм П. Е. Княгницкий), 10-я (командарм А. И. Егоров) армии. Западная и южная части — подчинялись штабу Украинского фронта и состояли из Донецкой группы войск И. С. Кожевникова — для западной, а войска Махно — для южной части фронта. Кроме того, мы имели еще линию фронта — Гуляйполе-Александровск.

4-го февраля части отряда Дыбенко заняли Верхнеднепровск, и дальнейшие свои действия он развивал на правом берегу Днепра.

Мы же, во исполнение директивы, тихо сидеть не могли и решением штаба повели наступление от р. Днепр — Гуляйполе по всему южному участку, на юг, преодолевая сильное сопротивление деникинцев.

После шестичасового ожесточенного боя с добровольцами в районе Гуляй-Поля 16-й и 17-й полки (бывшие наши отряды) заняли местечко и станцию Орехово. Взяли трофеи и подбили бронепоезд. С боем заняли села Федоровку, Марфополье, Новоселицу, Новокарловку[181].

У противника появилась тяжелая артиллерия, и он, не жалея снарядов, наносил нам ощутимый урон.

5 февраля 1919 г. приказом № 171 ревком Южного фронта предлагал большевистским парторганизациям фронта новый вид борьбы: «Реввоенсовет Южного фронта приказывает ввиду немедленного осуществления мероприятий по борьбе с контрреволюцией создать временные полковые военно-полевые трибуналы на нижеследующих основаниях: при каждом полку создается временно Военно-полевой трибунал, который движется вместе с

наступающим полком.

Второе: трибунал действует по пути продвижения части в местах расположения в данный момент, являясь органом расправы со всякими контрреволюционными элементами, не принадлежащими в данный момент к составу армии. Третье: трибунал состоит из политкома полка, двух членов и одного кандидата из состава полковой парторганизации. Опрос свидетелей может иметь место в том случае если трибунал находит это необходимым. Четвертое: приговоры трибунала обжалованию не подлежат. Пятое: материалы по всем делам трибунала должны сопровождаться в окружные ревкомы через политотдел дивизии. Приказ вводится в действие по телеграфу.

Ревком Южфронта — Ходоровский, Гиттис, Плят, Барышников, Дашкевич»[182].

5 февраля мы заняли с. Васильевку, а 1, после упорного боя, в котором участвовала тяжелая артиллерия противника, нашими войсками были заняты станция Пришиб и дер. Михайловка (60 верст южнее Александровска) . В Гуляйпольском районе 16 полк махновцев занял станцию и поселок Пологи (20 верст южнее Гуляйполя) , захвачены 2 орудия, пулеметы, винтовки[183] и т. д. и особенно ценный для нас бронепоезд, практическим захватом которого руководил Махно, где проявил изобретательность и отвагу.

Трудностей было очень много. О некоторых, типичных для того периода, говорится в докладе политкома 14-го Советского полка Соловьева в Реввоенсовет Украинского фронта о состоянии 13-го, 14-го и 15-го полков, формируемых в г. Павлограде Колосовым:

«11 февраля 1919 г. Положение полков катастрофическое. Снаряжения и обмундирования нет. Красноармейцы совершенно разуты и раздеты. В партийном отношении очень плохо. Отряды прибывают ежедневно. Размещать совершенно негде, и нет таких домов, в которые можно поместить хотя бы одну роту ввиду чрезмерного переполнения казарм. Среди красноармейцев свирепствует эпидемия тифа. Ввиду недостатка врачебного персонала организация лазаретов плохая, а какие имеются, все переполнены. Повстанцы уже воюют два с половиной месяца, а жалованья не получают. Ввиду всех этих недостатков в войсках недовольство и настроение антисемитское. Пользуясь всем этим, контрреволюционеры натравливают на еврейское население, как-то погромом, что и было 3 февраля. Политических сил нет. Ячейки как в полках, так и в ротах не организованы. Литература совершенно отсутствует. Средств на организацию ячеек, клуба и библиотеки и на мелкие расходы канцелярские совершенно нет...

Ввиду недостатка квартир в г. Павлограде для такого большого количества войск, где всего могут расквартироваться в количестве 1 500 человек, а в настоящее время находится войск в городе до 8 тыс., просим вашего распоряжения о разгрузке города от войск куда-либо в удобное место.

Политком 14-го Советского полка Соловьёв»[184].

Нам тоже сильно радоваться было нечего. Что касается вооружения, обмундирования и питания, то мы сидели на голодном пайке, ничего не получая централизованно. И надеяться можно было только на себя и на революционный подъем народа.

«...В действительности рядом с нашими штабами, — писал Антонов-Овсеенко, — продолжали сепаратно действовать штабы повстанческих ревкомов, производившие собственные формирования, а советские учреждения саботировали снабжение наших войск из складов, захваченных нами у противника и переданных в распоряжение соответствующих советских органов.

Под влиянием разногласий, имевших место в составе советского Украинского правительства, и отсутствия поддержки со стороны “тыла” командующий Харьковской группой подал в отставку...»[185].

11 февраля отставку Ауссема приняли и вместо него временно назначили начальника штаба группы А. Е. Скачко[186].

Между тем обстановка требовала от нас активных действий.

12 февраля повстанцы-махновцы заняли с. Басань (12 верст юго-западнее ст. Пологи), юго-восточнее ст. Пологи после двухсуточного ожесточенного боя мы заняли села Воскресенку, Конские Раздоры и ст. Магедово[187].

На участке Пологи-Гришине со стороны противника активно действовали сильные мобилизационные и фуражировочные отряды и обоюдный поиск.

Собственно, военные наступательные действия, хотя для этого и не было приказа, нами развивались успешно, угрожая флангу противника в Донбассе.

Прибывающие к нам анархические силы из РСФСР своими рассказами о разгроме их организаций большевиками вносили некоторое смутение в наши ряды. Мы им верили и не верили. Но вскоре стали свидетелями определенных действий большевиков, направленных на расслоение крестьян при помощи ЧК, продразверстки, комбедов и аграрного вопроса.

Прибывающие привозили всевозможную литературу, в том числе и большевистскую периодику.

В августе 1918 г. в своем обращении «Товарищи-рабочие! Идем в последний решительный бой!» В. И. Ленин писал — «...Кулак бешено ненавидит Советскую власть и готов передуть, перерезать сотни тысяч рабочих... либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать... Кулаки самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов... Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правым эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам!»[188].

А кого надо было понимать под кулаком? Того ли, кто эксплуатирует наемный труд, или того, кто живет более менее зажиточно? Или то и другое вместе взятое? Или того, кто не проявляет активности в мероприятиях власти? Притом считалось, что на Украине крестьянство живет более зажиточно, чем в России, и украинский середняк приравнивался к

русскому кулаку.

Представлялась интересная арифметическая картина.

Если взять только Екатеринославскую губернию по посевной площади в 1917 г. и разбить хозяйства в зависимости от наличия у них земли на три группы, то получим следующее: Батраки и полубатраки (имеющие земли от 0 до 3 дес.) 48,0% Средняки (-' -' от 3 до 6 дес.) 16,4% Зажиточное крестьянство (-' -' от 6 дес. и выше) 35,6%.

В Екатеринославской губернии на 1917 г. было свыше 2,471 тыс. человек сельского населения, в их числе (35,6%) свыше 879 тыс. человек рассматривались Советским правительством, как члены кулацких хозяйств. Всего же по трем губерниям махновского влияния: Екатеринославской, Таврической, Херсонской с общим количеством сельского населения в 6 404 тыс. человек при грубом подсчете, членов зажиточных (читай кулацких — А. Б.) хозяйств имелось свыше 2 280 тыс. человек[189].

Но к числу кулаков на Украине зачислялась и часть середняков, поэтому считалось, что их количество гораздо выше.

28 января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины было реорганизовано. Главой правительства, сменив Г. Л. Пятакова[190], стал Х. Г. Раковский[191].

Проводимая этим правительством аграрная и продовольственная политика сразу насторожила крестьян.

В изданных правительством декларации и декретах говорилось, что все крупные и культурные хозяйства, ранее принадлежавшие помещикам, закрепляются за государством для организации совхозов...

Вся земля бывших нетрудовых имений передавалась в ведение Наркомзема для организации общественного хозяйства и отдавалась крестьянству для уравнительного передела. Инвентарь полностью оставался за органами Наркомзема.

«Положение Наркомзема о распределении земли во временное уравнительное пользование» предусматривало: «...П.80. Взятый под учет и контроль живой и мертвый инвентарь, запасы кормов и продовольствия, дома, постройки и проч. имущество имений и хозяйств бывшего нетрудового пользования (ст. 3) поступают в распоряжение Уземотделов. ...П.82. Уземотделы обязаны принять меры к возвращению самовольно захваченного живого и мертвого инвентаря и проч. имущества бывших нетрудовых хозяйств.

Особо важные меры принимаются Уземотделом к возвращению племенного и рабочего скота и сложных машин и частей их (локомобили, паровые плуги, молотилки, жатки, сеялки и веялки, механические грабли и т. д.). ...П. 85. Для представления населению инвентаря уземотделы обязаны организовать сеть прокатных пунктов. ...П. 86. С прокатных пунктов инвентарь в первую очередь предоставляется землепользователям, образовавшим товарищеское хозяйство (коммуну, общественную обработку земли, трудовую артель и т.

д.), и во вторую — единоличным хозяйствам»[192].

И получалось, что чем беднее был район, тем больше отражались на крестьянстве аграрные законы Советского правительства Украины.

Крестьяне, забравшие помещичий хлеб, инвентарь, производившие уравнильный раздел земли, видели в этих действиях свою революцию, свою испоконвечную мечту — иметь свою землю, а Советскую власть, которая поддерживала и призывала их к этому, воспринимали как истинную выразительницу чаяний крестьян и конкретную организующую силу, которая обеспечит их надежды.

Но новое украинское правительство во главе с Раковским решило отобрать у крестьян уже разделенную ими помещичью землю и инвентарь. Крестьян принуждали силой, отобранное ими у помещиков сдать новому хозяину — Уземотделу. И крестьянам это очень не нравилось.

Завоеванная страданиями и кровью, земля отбиралась теми, кто два месяца назад призывал взять ее у помещика.

Крестьянство, явно сочувствовавшее Советской власти в 1918 г., боровшееся за эту власть, теперь потеряло к ней интерес, и даже больше того — оно считало себя нагло обманутым, понимая, что его использовали в достижении своей цели.

Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Украины от 29 ноября 1918 г. в пункте 6 гласил: «Все земли помещиков со всем живым и мертвым инвентарем должны быть немедленно отобраны у помещиков и безвозмездно переданы крестьянам»[193].

ние крестьян подавленное, приток добровольцев почти прекратился, зато увеличилось количество дезертиров.[194]

Понесшая поражение на Северном Кавказе 11-я Советская армия, насчитывающая до 88 тыс. бойцов, «освободила» значительные силы деникинцев — казачью Кубанскую и Добровольческую армию, которые, приведя себя в порядок с помощью и по желанию Антанты, начали перебрасывать свои полки в Донбасс и Приазовье.

Согласно данным разведки и анализа событий, программа Антанты сводилась к присутствию ее войск для борьбы с «беспорядками» и восстановления «Единой России» с вождем, генералом Деникиным.

К середине декабря 1918 г. был выработан план совместного наступления союзников, добровольцев и красновцев на противников «Единой России» с ее старыми порядками. По этому плану предполагалось к началу весны перебросить добровольческие войска в северные порты Черного и Азовского морей, высадить союзнические десанты и начать наступление на Москву по трем направлениям.

Первое направление с главной базой в Одессе, Херсоне и Николаеве — через Вознесенск–Киев–Калугу на Москву.

Второе — с главной базой в Севастополе по южной дороге на Харьков–Курск–Москву.

Третье — с главной базой в Мариуполе на Купянск–Воронеж–Москву.

Таким образом махновский повстанческий район снова становился костью в горле у приверженцев старого режима. Кроме того, в планах Антанты не последнее место занимали хлеб, людские ресурсы, руда Криворожья и уголь Донбасса. И опять же коммуникационная связь прерывалась повстанческим — махновским районом. И эту занозу необходимо им было устранить в первую очередь.

Это понимали и повстанцы, поэтому готовились к сопротивлению, желая расширить территорию, вооружить население, добиться объединения революционных партий, создать тыл, обеспечить войска необходимым, создать органы самоуправления и т. д.

Время шло к весне, необходимо было решить один из главнейших — земельный вопрос, который определил бы всю активность дальнейших действий.

Директивы Раковского приводили к пассивности крестьян, чем разоружали население в пользу врагов революционного фронта и это немедленно сказывалось на боеспособности наших войск. Бойцы заявляли, что «умирать только за то, что на троне сел Раковский, они не будут, а больше им новая власть ничего не дала. И вообще, кто избрал это правительство — пусть его и защищает».

Мы считали, что бездействие тоже — деяние и если так пойдет дальше, останемся без бойцов.

Накопившиеся вопросы можно было решить только на съезде, который наметили провести 12 февраля 1919 г. в с. Гуляйполе. Инициативная группа во главе с Лавровым приступила к подготовке съезда. Мы ждали его с нетерпением.

Еще в ноябре 1918 г. В. И. Ленин телеграфировал Главкому Вацетису: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их, как освободителей. Ввиду этого просим дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы Ваши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства»[195].

Правительства, по идеологическим убеждениям, мы создавать не собирались, а сформулировать волеизъявление народа, были обязаны. И для этого опять же нужен был съезд.

В день открытия съезда мы получили телеграмму от секретариата конфедерации «Набат», которая была послана в знак протеста на запрещение выступления в Екатеринославе с лекцией набатовца т. Барона (Полевой)[196]. В ней говорилось: «Товарищи повстанцы! В то время, как вы беззаветно кладете ваши головы, добывая хлеб и волю измученным крестьянам и рабочим Украины новое большевистское правительство начинает расправляться с революционными рабочими организациями. Секретариат конфедерации анархистских организаций Украины “Набат” уверен в том, что вы найдете достаточно определенные выражения для протеста против действия екатеринославского исполкома, министра Аверина и их начальства рабоче-крестьянского правительства Украины»[197].

Наконец, к трем часам дня в помещении Совета в праздничной обстановке, радостно возбужденные, под звуки духового оркестра рассаживаются делегаты съезда.

И съезд начал свою работу.

Наиболее полно освещает работу съезда сокращенная стенографическая запись, позднее размноженная нами отдельной брошюрой.

«ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ II-го съезда фронтовиков-повстанцев, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов военно-полевого штаба Гуляйпольского района, состоявшегося 12 февраля (нового стиля) 1919 года в с. Гуляй-Поле.

ЗАСЕДАНИЕ

Съезда представителей от крестьянских и рабочих советов, подотделов, штабов и фронтовиков — состоявшееся в с. Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии 1919 г. февраля 12 дня.

В работе съезда участвовало 245 делегатов от 35 волостей.

Заседание съезда открывается в 3 часа дня инициативной группой повстанцев в лице тов. Лаврова.

Тов. Лавров во вступительной речи объясняет собранию цель съезда, а также оглашает первый наказ делегатам, отправлявшимся в штаб тов. Махно и Щуся, советских войск, а также к Украинской Директории (см. выше – А. Б.). После чего тов. Лавров предлагает собранию избрать президиум для ведения собрания. Выставляются кандидатуры в председатели т. т. Махно, Веретельникова, Бойко[198], Херсонского, Серегина[199], Кушнарева, Чернокнижного[200] и Лаврова.

Тов. Махно просит сиять свою кандидатуру, мотивируя отказ отсутствием свободного времени, ввиду военных событий на фронте. Поступает предложение тов. Бойко об избрании почетным председателем съезда Батько Махно, а почетным товарищем председателя тов. Щуся. Собрание, при шумных аплодисментах, принимает единогласно предложение тов. Бойко.

Председателем для ведения собрания избирается тов. Веретельников, товарищами председателя — Херсонский и Чернокнижный, секретарями собрания назначаются т. т. Серегин, Афейников и Болтаджи[201].

Собрание объявляется открытым.

Председатель, тов. Веретельников, приветствует собравшихся на съезд делегатов и выражает пожелание в дружной работе съезда.

При открытии съезда была почтена память павших борцов за свободу вставанием.

Оркестром был исполнен похоронный марш.

Затем следует приветствия от партий, групп, повстанцев и других.

От имени повстанцев приветствует съезд тов. Махно, который указывает на серьезные задачи съезда и призывает всех к единению во имя Революции, которая несет освобождение трудовому народу (Раздаются громкие аплодисменты. Оркестр играет “Марсельезу”).

От левых с.-р. (социалистов-революционеров — А. Б.) приветствует съезд тов. Петрович, который в заключении указывает, что, взявши винтовку, трудовой народ должен держать ее до тех пор, пока не добьется Советов, основанных на свободных, выборных началах.

От Петровской волости выступает крестьянин Острижко, который призывает все трудовое крестьянство и фабрично-заводской пролетариат соединиться вместе для дружной борьбы с контрреволюцией и заняться строительством новой жизни.

От Гуляйпольской группы анархистов “Набат” приветствует съезд тов. Черняк, который выразил пожелание успеха в строительстве нового фундамента жизни самими крестьянами и рабочими, как этого требует сама жизнь. В заключение оратор призывает съезд не надеяться ни на кого, не дожидать разных пришельцев, навязывающих свои услуги для строительства чуждой им крестьянской и рабочей жизни.

От партии коммунистов-большевиков съезд приветствует тов. Карпенко[202] и призывает к единению для общей цели.

От повстанцев выступает тов. Бойко — анархист. Приветствуя съезд, тов. Бойко призывает всех присутствующих к единению и солидарности для совместного строительства новой жизни, ибо, заканчивает оратор, в единении залог победы трудового народа и торжество революции!

От Ново-Павловской волости приветствует съезд тов. Чернокнижный и выражает глубокую почтительность повстанцам как первым борцам за освобождение трудового народа Украины.

От товарищей-моряков выступает Чикавка, который, приветствуя съезд, выразил пожелание соединиться всем для борьбы с общим врагом — капиталом.

После приветствий вносится предложение о включении в повестку дня следующих вопросов: 1. Доклад делегации, ездившей к Временному правительству Украины. 2. Доклады с мест. 3. О текущем моменте. 4. Отношение к Советской власти, создаваемой в фракционном масштабе. 5. Об организации фронтовиков. 6. О земле.

Все предложенные для повестки дня вопросы принимаются съездом.

По докладу делегации, ездившей в г. Харьков к Временному правительству Украины, выступает тов. Лавров, который заявляет, что поездка последовала в связи с тем, что правительством Директории были мобилизованы солдаты для борьбы со скоропадщиной; но ввиду того, что народ не остановился на платформе строительства Директорией новой жизни, а пошел дальше, и не желая вести братоубийственную войну со своими братьями — крестьянами и рабочими, насильно мобилизованными, 1-й районный съезд фронтовиков, состоявшийся в с. Больше-Михайловке, уполномочил делегацию выяснить в штабе батько Махно — идет ли он на контакт с Петлюрой, и можно ли проехать к Народной Украинской Директории.

Ответ был получен от тов. Махно, что ни в какие соглашения с Петлюрой он не вошел, и что проехать к Директории ввиду военных действий невозможно. Тогда делегация поехала в г. Харьков к Врем. Прав. Укр. По приезду в Харьков делегаты отправились к Врем. Прав., но, продолжает докладчик: “министров”, т. е. комиссаров, видеть не удалось, так как нас туда не допустили. Объяснили нам, что комиссары чем-то заняты; нас же принял адъютант, с которым мы вели переговоры. На заданные нами адъютанту вопросы, а именно:

1. Какой будет Украина — самостоятельной или зависимой от Великороссии? Мы получили ответ: Украина будет Украинской Социалистической Советской Республикой, федеративно связанной с Великороссией.

2. Какими войсками занимается Украина со стороны Великороссии? На этот вопрос последовал ответ, что на Украину идут войска, сформированные в Великороссии из украинцев, эвакуировавшихся в Великороссию во время немецкого нашествия.

3. Какая власть будет на Украине? Ответ: Советская власть.

4. Каково отношение к союзникам? Ответ: ввиду того, что союзники не признают большевистской власти, Украина находится на положении войны с союзниками.

5. Каково отношение Врем. Прав. Укр. к армии “Батько Махно”? — На это ответили нам, что официального соглашения еще нет, но что Врем. Прав. предполагает войти с ними в соглашение и помогать всем необходимым для ведения борьбы с контрреволюцией, и что вступать с Махно во вражеские отношения Врем. Правительство не намерено.

6. Какие должны быть выборы в Советы на местах? Ответили нам, что относительно этого будет издан закон после, но, что расположены думать, что только партия большевиков

будет посылать своих людей в Советы, “так как все другие партии выступают против освобождения народа”.

7. Как сформировалось Врем. Укр. Совет. Правительство? На этот вопрос мы получили следующий ответ: “Некоторые комиссары были присланы из Москвы. Кандидатуры же 5 комиссаров, вошедших в состав Врем. Прав., выставила партия большевиков Украины. Из них 3 рабочих и 2 крестьянина”.

8. Почему 2 “министра” называются “крестьянскими”? Были ли они выбраны крестьянами, и крестьяне ли они сами? Ответ: “Потому, что они сами — крестьяне. А так как они состояли членами партии большевиков, то партия их и назначила на посты комиссаров”.

Когда мы во время пребывания нашего у адъютанта узнали, что многие правительственные посты занимают бывшими николаевскими генералами и офицерами и задали ему вопрос: “Почему в среде рабоче-крестьянского правительства находятся такие лица?”, нам ответили, что эти генералы и офицеры “уже стали нашими”, так как состоят членами партии большевиков, и что им можно всецело доверять дело организации Красной Армии и руководство ею. Так, — говорит докладчик в заключение, — нас приняли у Врем. Правит. и, вот все сведения, которые мы могли собрать из беседы с адъютантом. Этим доклад заканчивается, после чего по этому вопросу открываются прения.

Слово предоставляется тов. Чернокижному — крестьянину. “Товарищи крестьяне и рабочие! — обращается оратор к присутствующим. — Из доклада делегата, ездившего к Врем. Правительству, мы узнали, что на Украине появилось новоиспеченное где-то правительство, составленное только из большевиков-«коммунистов». Это правительство уже собирается произвести свою большевистскую монополию над Советами. Мы все, товарищи, должны задать себе вопрос: допустимо ли это? Вспомните, тов., тяжелое время упорной борьбы с немецко-мадьярским игом, с гнетом скоропадщины. В то время, когда Вы, крестьяне, рабочие, повстанцы, выдерживали напор всех контрреволюционных сил и почти с голыми руками отражали наступление немецких и австрийских банд, когда вы отважно и мужественно боролись с палачами скоропадщины, петлюровщины и др. разбойников, покушавшихся на свободу украинского трудового народа, где было тогда то Временное Правительство, которое теперь захватило власть в свои руки и действует от имени рабочих и крестьян? Оно сидело тогда в Москве, в Курске, выжидая, пока рабочие и крестьяне Украины освободят территорию от врага. Разве только большевики боролись со всеми черными силами реакции здесь на Украине? Но Вы, товарищи, знаете, что кровь свою проливали крестьяне, рабочие, повстанцы — беспартийные. Они все осознали свой долг перед Революцией и смело пошли защищаться. Теперь, когда после жестокой упорной борьбы, ценой многих жизней неприятель разбит, и трудовой народ Украины может вздохнуть свободно, к нам появляется какое-то большевистское правительство и навязывает нам свою партийную диктатуру. Допустимо ли это, товарищи? Позволит ли украинский трудовой народ, который сам, без чьей бы то ни было помощи, освободился от ига немецких и австрийских, гетманских, петлюровских и других штыков, какой-то кучке пришельцев властвовать над собой, навязывать свои законы? — Нет! Товарищи, этого не может и не должно быть! Мы достаточно сильны для того, чтобы всем пытающимся наложить свои руки на нашу свободу сказать: «руки прочь!» Мы не должны допустить, чтобы

у нас повторилось то, что не так давно произошло в г. Павлограде на съезде. Там большевики-коммунисты не давали возможности говорить правду нам, беспартийным крестьянам и рабочим, которые своей кровью орошали и орошают тернистый путь освобождения трудового народа. Этим борцам закрывают рот на съезде потому, что у них не было большевистского патента (Крики: «позор, позор!»). Я заканчиваю свою речь, тов. крестьяне и рабочие, и должен сказать здесь, что мы, беспартийные повстанцы, восставшие против всех наших угнетателей, не допустим нового закрепощения, от какой бы партии оно ни исходило. Скажем всем нашим врагам «прочь с дороги!» Мы сами сумеем построить свою новую, свободную жизнь!» (Шумные аплодисменты).

Выступает Серафимов (крестьянин).

“Тов. крестьяне, рабочие, фронтовики и повстанцы!

Вы все знаете, что не умолк еще грохот пушек, еще кругом льется кровь наших дорогих товарищей за освобождение всех трудящихся от тяжелых цепей рабства и унижения. Еще не закончена борьба с наступающей со всех сторон контрреволюцией, как перед нами уже стоит другая, новая опасность — опасность партийная, большевистская, кующая для нас новые цепи большевистско-государственные. Большевистское правительство старается уверить нас, что оно служит интересам рабочих и крестьян, что оно несет освобождение трудящимся. Оно называет себя «социалистическим», идет будто бы под лозунгом «Социальной Революции». Но зачем же оно стремится царствовать над нами сверху из своих кабинетов? Тов., мы знаем от наших братьев в Великороссии, какую там большевики творят революцию. Мы знаем, что там у народа нет свободы, что там властвует партийный произвол, большевистский хаос, насилие комиссародержавия. И если эта партия старается перенести к нам на Украину такие «свободы», то мы должны громогласно заявить, что нам не нужны такие учителя и опекуны, что мы не нуждаемся в диктатурах, что мы сами сумеем устроить свою новую жизнь! Я заканчиваю свою речь и прошу съезд серьезно задуматься над положением и подробно осветить все наши общие вопросы, дабы мы могли в наших темных деревенских уголках открыть всю правду нашим товарищам крестьянам и рабочим!» (Шумные аплодисменты)

Тов. Бойко, повстанец-анархист.

“Товарищи крестьяне, повстанцы! Для того, чтобы трудовой народ Украины добился полного освобождения после того, как он избавился от гнета немецких штыков, скоропадщины и петлюровщины, нам необходимо создать Советы, которые находились бы вне давления какой бы то ни было партии. Только свободно избранные, беспартийные, трудовые Советы способны дать нам полную свободу, и спасти трудовой народ от рабства и угнетения.

Да здравствуют свободно избранные безвластные Советы!» (Шумные аплодисменты).

Карпенко — большевик-коммунист.

“Товарищи крестьяне и рабочие! Здесь говорили, что большевики захватили власть на Украине, что большевики стремятся стать диктаторами, опекунами трудового народа и т. д. На это товарищи, я отвечаю. Да, большевики стремятся к диктатуре, но только к диктатуре

пролетариата; да — большевики стремятся к власти! Наша партия — единственная, за которой идет большинство трудового народа, а раз она является выразительницей воли большинства народа, то, безусловно, она ввиду этого и стала государственной.“

(Голоса с мест: “А кто избрал Врем. Украинск. большевистское правительство: народ или партия большевиков?”)

Председатель призывает собрание к порядку и предлагает всем желающим задавать вопросы, сделать это по окончании речи оратора.

Карпенко продолжает: “Должна быть установлена диктатура пролетариата над буржуазией”.

(Голоса с мест: “А мы видим диктатуру большевиков над левыми эсерами и анархистами”).

Председатель призывает собрание к порядку.

Карпенко: “Партия большевиков временно избрала товарищей во Врем. Прав., когда же будет созван Всеукраинский Съезд Советов, там сформировано будет новое правительство, или же теперешнее Временное Правительство будет утверждено съездом”.

(Голоса с мест: “Неужели все крестьяне, чуждые всякой партийности, сами изберут Врем. Прав. Украины?”).

(Председатель призывает собрание к порядку и просит вести себя спокойно).

Оратор продолжает: “Товарищи! Прошу вас помнить лишь одно, что большевики, крестьяне и рабочие, такие же как и вы и что они желают вам добра. Не верьте, что они хотят стать вашими опекунами”.

(Голоса с мест: “А зачем они присылают нам «комиссародержавцев?»”, “Мы сумеем жить и без них! А если нам понадобятся комиссары, мы можем избрать их из своей среды”).

Председатель призывает собрание к порядку.

Оратор продолжает: “Я тоже политический комиссар, присланный в 16-й Советский полк. Но ведь это не значит, что я прислан к Вам, как опекун. Нет, мое назначение — наблюдать и помогать в политическом развитии полка. Я заканчиваю свою речь и прошу Вас, товарищи, не верить тем, которые говорят, что большевики ваши враги. Я мог бы еще многое вам сказать, но к сожалению, время не позволяет, так как спешу в Харьков на партийный съезд большевиков, где постараюсь рассказать все о ваших стремлениях”.

(Возгласы: “Просим, просим все рассказать”).

Тов. Уралов — анархист.

Призывает съезд вслушиваться внимательно в то, о чем здесь говорится, а потом самим сознательно относиться ко всему, съезд сумеет в заключение сказать свое громкое, веское слово, которое будет услышано не только на Украине, но по всему миру.

Выступает еще ряд других ораторов, которые призывают съезд к единению и дружной солидарной работе в строительстве нового прочного фундамента свободной жизни.

Поступает предложение ввиду позднего времени заседание съезда закрыть до следующего дня. А для того, чтобы объединить обе партии для дружной совместной работы на общее благо, избрать комиссию из 15 человек и уполномочить ее выработать резолюцию по докладу делегации, ездившей в г. Харьков к Врем. Прав. Предложение большинством голосов принимается. В состав комиссии вошло 12 человек от фронтовиков и членов Совета (беспартийных), один — от партии большевиков-коммунистов, один от партии левых с.-р. и один от группы анархистов “Набат”.

Заседание закрывается до следующего дня.

13-го февраля в 9 час. утра открывается собрание съезда.

Комиссия оглашает выработанную ею резолюцию, которую съезд не принял, постановив резолюцию по докладу делегации, ездившей к Врем. Прав. Украины, присоединить к резолюции, которая будет вынесена по докладу о текущем моменте.

Затем съезд переходит к обсуждению следующего вопроса по докладу с мест.

Первым выступает тов. Терещенко, член Совета, из села Федоровка. Докладчик подробно знакомит собрание с тем, как сильно пострадала Федоровка, не только от немецких банд, но и от нашествия кадетов, ввиду чего в настоящее время положение здесь очень критическое, и местному Совету приходится встречаться с большими трудностями и прилагать много усилий в деле налаживания экономической и политической жизни граждан с. Федоровки.

От Больше-Михайловки выступает член Совета тов. Карпус. Обращаясь к собранию, он говорит:

“Товарищи! Я представитель того села, которое пострадало больше всех других сел в Екатеринославской губернии.

С приходом немецких банд начались грабежи и реквизиции того ограниченного запаса продуктов, который и без того уже грозил нам голодом. Конечно, нечеловеческие издевательства, грабежи, обирательства и насилия со стороны немецких банд не прошли бесследно. Недовольство росло среди крестьян, терпеть было невозможно. Трудовой народ восстал против немцев и варты.

В те дни тов. Махно и Щусь с 35 человеками впервые восстали, вступили в борьбу с врагом и разбили варту и немецкую охрану. Сейчас же после этого появились немецкие карательные отряды и провели кровавую расправу над восставшими крестьянами. Конечно, тт. Махно и Щусь со своими храбрыми, но малочисленными партизанами не могли устоять тогда против

немецкой артиллерии. И банды немцев ворвались в село, и в первую очередь ограбили общественную кассу, наложили контрибуцию на жителей, расстреляли несколько человек и впоследствии, не удовлетворившись этой жестокой расправой, подожгли наше село, в котором сгорело несколько десятков дворов и погибло все крестьянское хозяйство. Правда, тов. Махно помог нам материально. Но эта помощь не могла спасти нас от разорения. И мы в настоящее время переживаем самую острую нужду. Совет у нас организован хорошо и работает планомерно”.

От Покровского Совета выступает тов. Гончаренко:

“Товарищи! Скажу вам одно, что устройство новой жизни и идей у нас идет быстрым шагом. Хлеб весь взят на учет, кожевенный завод перешел в ведение Совета и работает усиленно. Организованы оружейная и сапожная мастерские, которые работают интенсивно для нужд наших товарищей, сражающихся на фронте за освобождение трудового народа от гнета и порабощения. Организована помощь для семейств товарищей, убитых на фронте”.

Тов. Жовнер от Успенковского Совета в докладе своем говорит, что Совет взял весь хлеб на учет и по мере возможности помогает неимущим крестьянам. Добровольно организовалось несколько рот. Одна из них, в количестве 193-х человек, стоит на позиции и если понадобится еще помощь для защиты революции, то все крестьяне, способные носить оружие, пойдут в ряды сражающихся повстанцев, по первому зову батьки Махно.

От Туркеновского Совета выступает тов. Медведев.

“Наше село, — говорит докладчик, — не так пострадало от нашествия кадетских банд. Мы все время находились вблизи фронта и помогали батьке Махно всем, чем только могли. Совет организовался у нас в начале февраля, и мы за это короткое время еще не успели пока наладить работу”.

Далее выступает ряд ораторов, подробно обрисовывающих положение на местах, где крестьянство уже приступило к организации и дружному строительству новой жизни. Почти везде организованы военные силы для последней решительной борьбы с надвигающейся контрреволюцией.

После того, как все доклады с мест были выслушаны, съездом единогласно была принята резолюция, предложенная тов. Херсонским.

Резолюция по докладу с мест.

II-й районный съезд фронтовиков, Советов, подотделов и Воен. Револ. Штабов имени батько Махно, обсудив вопрос по докладу с мест и ознакомившись всесторонне с тяжелым положением борцов и их семейств, пострадавших за дело Социальной Революции, за великое дело освобождения трудовых народов всего мира, постановил оказать им посильную помощь как материальную, так и моральную. Для успешного оказания материальной помощи при каждом Совете Крестьян, и Рабоч. Депутатов образовать фонд в пользу пострадавших товарищей-повстанцев и их семейств.

(Принято единогласно при 4-х воздержавшихся).

После этого собрание переходит к обсуждению вопроса о текущем моменте.

Поступает предложение о перенесении этого вопроса на следующий день, ввиду того, что собрание уже утомлено. Заседание съезда, считаясь, во-первых, с поздним временем, а во-вторых с важностью и серьезностью вопроса о текущем моменте, единогласно принимает это предложение.

Председатель объявляет заседание закрытым до следующего дня.

Февраля 14-го дня в 9 час. утра заседание объявляется открытым.

По текущему моменту выступает тов. Веретельников.

О текущем моменте. Речь председателя (Веретельникова).

В 1905 году, когда атмосфера была еще не так тяжела, здесь в Гуляй-Поле организовалась группа анархистов, существование которой стало хорошо известно, когда погиб тов. Семенюта, имя которого не многим было известно. Тогда был арестован тов. Махно, который в числе многих других революционеров попал на каторгу, где и пробыл целых 10 лет. По свержению самодержавия Махно возвращается в Гуляй-Поле. Когда революционное движение здесь приняло серьезный характер, я находился в Севастополе. Радостная весть о движении тянет в Гуляй-Поле, и я возвращаюсь в свое родное село, где встречаю отрадную картину.

События меняются с головокружительной быстротой. “Батько” ушел с одним отрядом, другие рассеялись по Таганрогу, Ростову, Царицыну и т. д.

Настроение здесь поднимается. Солидарность растет. Революционные ряды пополняются, крепнут. Прячутся оружие, патроны, все, что может послужить делу защиты революции. Украинский народ после свержения самодержавия не успел еще выпрямить свою спину, вздохнуть свободно, как опять очутился в новых цепях немецко-гайдамацких банд. Опять народ обирается. Приходится уйти в подполье. Мучительное время. Хочется знать все, видеть всех. Особенно горю желанием узнать, где находится Махно.

Появляется провокационное воззвание немецких жандармов: “Все лица, имеющие оружие, должны явиться в штаб для получения разрешения на ношение такового”. Цель — узнать, у кого имеется оружие и потом забрать его. Грустно было видеть, как многие крестьяне, одураченные немецкими налогами, отдавали свои винтовки. Далее удалось узнать, что разыскивают т. Махно и меня. Тут уже прибыли немецкие эшелоны и карательные отряды. Волнения, аресты, избиения, расстрелы. У волости собираются фронтовики для того, чтобы обсудить, что делать. Здесь случайная, горькая неосторожность одного — и властям становится известно, что есть 700 винтовок.

Зашевелилась черная рука. Беспрестанно работает телефон. Предстоят обыски, аресты. Крестьяне готовятся дать дружный отпор проснувшейся реакции. Выставляются караулы.

Дальше обыски, аресты. Арестовано уже 40 крестьян. Со всех сторон гонения... Буржуазия ликует. Арестован и расстрелян брат "батька" Махно, инвалид. Ежедневно выводят товарищей на улицу и вешают на столбах... Разгорелись страсти всех врагов трудового народа...

Но революционная волна катится и растет с каждым днем. Мучит один вопрос: "Что же будет дальше". Но вот, благодаря товарищам, удастся выехать, из Гуляй-Поля и пробраться туда, где можно увидеть близких людей, и решить, что делать. Перебираюсь в Великороссию. Тяжелый путь до границы. Необыкновенные трудности, которые пришлось преодолеть для того, чтобы пробраться в Великороссию, куда влечет так сильно, где думалось найти ту свободу, тот духовный простор, о котором так сильно мечталось на объятый со всех сторон пламенем реакции Украине. Но, увы. И здесь разочарование. И здесь полный разгул угнетения, тяжелой зависимости рабочих и крестьян от начальства "свыше". Народ и здесь живет в условиях полного духовного, политического и экономического порабощения... Тяжело при виде всего этого. Но мысль работает интенсивно в одном направлении: как бы скоро увидеть товарищей, знакомых, поделиться с ними всем пережитым и помочь Украине. Еду в Петроград. Здесь случайно читаю в газете, что батько Махно в Гуляй-Поле. Радуюсь, волнуюсь, спешу узнать точно. Здесь циркулируют самые разнообразные слухи про Махно. Говорят о нем самое хорошее. Идут о нем и самые ложные, отрицательные отзывы. Покидаю Петроград, спешу скорей в Харьков, где узнаю более точно, что делается в Гуляй-Поле. Но и там тысячи самых противоречивых слухов. Здесь, однако, узнаю, что Махно приехал в Херсонщину 21-го июля, где подпольно удалось ему достать пулеметы и винтовки. 20 сентября он выступил в открытые действия. Дальше следует встреча Махно с Щусем в лесах, где они объединились. Вскоре пришлось выступить против немецкого отряда в 200 человек. Но 90 человек, действовавших под руководством Махно и Щуся, сражались доблестно. Удалось достать оружие. Интересно, однако, отметить, при каких обстоятельствах удалось "батьке" Махно объединиться со Щусем, скрывавшимся в пещере. Не страшась немецкой разведки, "батько" выходит на мостовую, стреляет из браунинга. Дальше берет кучку людей, винтовки и отправляется. Была оказана материальная помощь местными селянами-евреями. Таким образом с этими скромными силами отправляются на тачанках навстречу Щусю. Объединившись, эта немногочисленная группа отважных революционеров сразу же дает бой неприятельской банде, потеряв только 3-х раненых. С этих пор силы начинают расти. Крестьяне, воодушевленные смелыми подвигами Махно, бегут в ряды его повстанцев. Стали прибывать даже маленькие отряды с винтовками и без винтовок. А гуляйпольцы, работавшие все время в подполье, также поспешили в ряды сражающихся повстанцев. С этого времени уже начинаются вполне организованные, дисциплинированные военные действия. Образовываются военно-революционные Советы на местах для формирования и распределения боевых сил. Обращается усиленное внимание на внутренний порядок и самодисциплину в рядах повстанцев. И ширятся, таким образом, и крепнут ряды повстанцев, отважно сражающихся с немецко-гайдамацкими бандами. Окружающее население, видя ту громадную революционную работу, какую предприняли повстанцы, оказало самое глубокое сочувствие и поддержало повстанческое движение всем, чем можно было. Работы было много, неприятельские силы были велики. Пришлось все внимание, всю энергию сосредоточить на фронте. Все здоровые, лучшие силы были мобилизованы. Гуляйпольский штаб объявил мобилизацию, но не принудительную мобилизацию с приказом "сверху". Нет! Крестьяне

Украины, которые более революционны, чем их братья на севере, ибо они больше испытали на своих спинах гнета и порабощения, эти крестьяне сами охотно взяли винтовки, чтобы пойти сражаться с неприятелем и заменить своих товарищей, усталых и раненых. Повстанцы сражались отважно. Они честно, теперь еще стоят смело перед неприятелем, защищая свободу свою с оружием в руках. Товарищи! Теперь я хочу сказать вам, что если раньше все силы были направлены исключительно на фронт, где была опасность, угроза свободе, и работу на местах некому было проводить, а от этого немало пострадала жизнь ваша, хозяйственная жизнь, то теперь, когда мы нанесли неприятелю удар, когда чувствуем себя сильнее, наше внимание должно быть обращено на устройство своей экономической жизни. Тов. крестьяне и повстанцы! Вы знаете свои нужды. Они громадны. Так стройте же сознательно то, что было разрушено вашим врагом. Организуйте свои крестьянские Советы, посылайте туда своих честных товарищей, знающих ваши интересы. Не надейтесь на чью бы то ни было помощь. Сами создавайте все то, что необходимо для вашей свободной, счастливой жизни. Сплотитесь крепко вокруг своих экономических крестьянских организаций и не позволяйте никому извне помешать строительству вашей жизни. И только при условии широкой инициативы, самодеятельности и организованности вы доведете свою борьбу до полной победы, до торжества истины и справедливости. Да здравствуют же крестьянские, экономические, беспартийные, свободно избранные советы! Да здравствует повстанческое движение, пролагающее путь к свободной, красивой жизни трудовых масс Украины и всей России. (Аплодисменты).

Речь тов. Махно: (по вопросу о текущем моменте).

Товарищи! Начну свою речь с первых дней революции. Когда вспыхнул пожар революции, который уничтожил николаевский режим, но не уничтожил всех опричников его; на трон кровавого царя засел новый преступник в лице Временного правительства во главе с Керенским. Политика новых палачей с Гучко и повела к преступному лозунгу “Война до победного конца”, в то время, когда народ голодный, оборванный, исстрадавшийся от последней братоубийственной войны на фронте, не желал больше этой войны. Видя, что народный гнев растет, увеличивается, дипломаты из Государственной Думы сфабриковали Времен. правительство, на смену декорации сгнившего романовского режима. Вместо кадетского состряпано было так называемое Демократическое Врем. правительство, во главе с знаменитым авантюристом Керенским. Произошла перемена лиц, но не политики, и мы услышали те же лозунги “Война до победного конца”. Вот в то самое время анархисты везде и всюду вели пропаганду и всячески боролись против авантюры Врем. правительства.

Всюду — на заводах, в мастерских, в казармах объясняли, что не надо нам вести на фронте братоубийственную войну, за что в Петрограде на даче Дурнова наши товарищи были арестованы и несколько анархистов расстреляли.

После такого акта насилия над анархистами были организованы митинги протеста, впоследствии разогнаны силой оружия. И я повторяю, тов., что в те дни, в дни реакции керенщины, протестовали против насилия над свободным словом и товарищи большевики, которые так же, как и анархисты, были гонимы за то, что выступали везде и всюду против братоубийственной войны на фронте. Эти гонения анархистов и большевиков тесно объединили их для дружной совместной борьбы против реакции, созданной Керенским и .

Когда авантюристы увидели, что народ идет против их политики, на сцену появился из их среды известный всем Корнилов, который в конце концов “не сошелся” с Керенским из-за власти, и последний был объявлен вне закона, как контрреволюционер. Но в это время народ продолжал все более крепнуть в своем сознании, что война не нужна, и громогласно заявил свой грозный лозунг: “Долой войну!”, “Да здравствует мир!” Этот лозунг раздавался от далекого Севера до Юга, и от Запада до отдаленного Востока.

От слов приступили к делу. Авантюристы Керенский и исчезли, как мыльные пузыри, и правление государством перешло в руки трудового народа — в форме свободно избранных Советов. Но недолго существовали эти свободные Советы... Партия большевиков объявила на них свою монополию и... началась “чистка” революционных Советов.

Кто не был запатентован как большевик, тот не мог уже больше быть в Советах, удалялся оттуда как враг народа.

И тогда на многолюдных митингах, а также и в печати появились протесты со стороны анархистов, что на Советы не имеет права накладывать свою монополию какая бы то ни была партия; на анархистов началось гонение со стороны большевиков. Те, которые вчера еще вместе с анархистами были гонимы и преследуемы, не узнали теперь своих вчерашних товарищей по борьбе. Стали закрываться большевиками анархические газеты, и товарищи каши арестовывались “как контрреволюционеры”. Такому гонению подвергались и все другие революционеры, вместе с большевиками, боровшиеся в защиту революции. Те крестьяне и рабочие, которые не могли молчать и выступали с протестом против такого насилия со стороны большевиков, разгонялись силой оружия. Получилась старая картина реакции времен Керенского. Но дело так продолжаться не может. Мы до сегодняшнего дня являемся свидетелями грубой насильственной власти большевиков над пострадавшим трудовым народом.

Однако, недолго, очевидно, уж будет народ молчаливо и безропотно терпеть партийное иго большевиков.

Тов. повстанцы! Я призываю вас к единению, ибо в единении залог победы Революции над теми, кто стремится ее задушить. Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: “Добро пожаловать, дорогие братья!” Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину, мы скажем им: “Руки прочь!” Мы сами сумеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь, где не будет панов, рабов, угнетенных и угнетателей.

Да здравствует мировая, социальная революция!

Да здравствует освобождение трудового народа от ига капитала и власти. (Шумные аплодисменты).

Текущий момент.

Речь тов. Херсонского (большевик-коммунист левый).

Товарищи! Мы собрались сюда на свободную трибуну для того, чтобы сказать здесь слова правды. Мы пришли сюда для единения, невзирая на партийные различия, для борьбы с теми паразитами, которые стремятся задавить трудовой народ, задушить его свободы. Товарищи! Мы с первых дней революции избавились от царского режима и попали под гнет Врем. правительства. Но народ пошел вперед. Он свергнул угнетателей, скрывавших свои реакционные физиономии под “демократическими” масками Врем. правительства и взял в свои собственные руки строительство свободной жизни. Недолго, однако, пришлось нам здесь на Украине пользоваться добытой народной кровью свободой. Украина была продана Центральной Радой, отдавшей ее на истерзание немецко-мадьярскому империализму. Но немецкие штыки и шомполы недолго могли бушевать над революционным украинским народом. Рабочие и крестьяне восстали и чуть не с голыми руками выступили против немецко-мадьярских банд, в защиту свободы и революции. Украинский трудовой народ победил сильного врага, ибо народ, выступающий сознательно в защиту свободы, в защиту своих жизненных прав, не может не победить. Товарищи! Я скажу вам теперь со слов товарищей, приехавших с севера, что там всю власть захватили большевики и угнетают всех тех, кто не принадлежит к их партии. Я, как большевик-коммунист, говорю вам, что это недопустимо, ибо революцию защищали не только большевики-коммунисты, анархисты и левые соц.-революционеры, но и вы, товарищи крестьяне — беспартийные. Поэтому никакая политическая партия не имеет права захватить в свои руки государственную власть. Только те, кого выбирает трудовой народ, имеют право решать судьбу этого народа, ибо народ знает их и верит им как честным революционерам.

Мы должны объединиться в одну общую дружную семью, ибо мы знаем, что единственный залог успеха — в единении. Я, товарищи, призываю всех вас в Единый Революц. фронт.

Да здравствует неделимый Революционный фронт!

Да здравствует всемирная коммуна! (Шумные аплодисменты).

Речь тов. Черняка.

Товарищи! Выступавшие здесь ораторы после докладов делегатов критиковали господствующую партию большевиков, осуждая и нападая на нее. Больше всего здесь досталось на долю Карпенко как защитника этой партии. Очевидно, все, которые клеймят действия комиссаров и “Чрезвычайки”, испытали на своих спинах их прелесть, пережили весь гнет их. Кто сам сидел в тюрьмах, тот знает, что многие местные революционеры, перенесшие царские застенки, тюрьмы и каторгу, сейчас опять наполняют тюрьмы Великороссии. Революционеры, честные борцы за критику какого-нибудь чиновника из правительства большевиков арестовываются и исчезают бесследно...

Мы знаем, что и среди большевиков есть много честных революционеров. Мы знаем, что и многие большевики честно сражаются и гибнут во имя революции. Но мы уверены, что эти люди не отдавали бы свои жизни, если бы они знали, что известная кучка людей захватит в свои руки власть и будет угнетать целый народ. Напрасно тов. Карпенко обвиняет революционеров, анархистов в том, что они хотят сеять среди трудящегося люда идеи братоубийственной войны. Нет, товарищи! Мы, анархисты, этого не делаем. Нам этого не

нужно! Я никогда не соглашусь на такое преступление. Всеми своими силами буду отстаивать и не допущу, чтобы рабочие и крестьяне выступили с оружием в руках друг против друга. Этого не должно быть! Но как бы нам ни желательно было бы вступить в партийные споры, мы все же вынуждены указать на всю несправедливость, на все нечестные действия лиц, стоящих во главе большевистского правительства. Эти факты должны служить лишь предупреждением украинскому народу, чтобы он не впал в те ошибки, в какие попали трудящиеся Великороссии, и чтобы ему не пришлось после этого дорого расплачиваться. Мы желаем, чтобы здесь на съезде были обсуждены все вопросы и чтобы приняты были меры к созданию безвластных, непартийных, экономических Советов на выборных началах, чтобы представитель всегда мог быть отозван, если он не соответствует своему назначению. Мы желаем, чтобы в жизни все вопросы разрешались на местах, не по указу какой-нибудь власти свыше, а чтобы решали судьбу свою все крестьяне и рабочие; выборные же должны только исполнять то, чего желают все трудящиеся.

300 лет шла борьба против насилия, против диких законов и приказов сверху, и теперь мы не потерпим насилия какой бы то ни было власти. Мой совет, товарищи-крестьяне, рабочие и повстанцы, не говорить за или против той или иной партии. Желая, чтобы вы хорошо разобрались, изучили все программы, проследили все действия партий, тогда вы сами сумеете сделать свой выбор. Вы все можете быть левыми эсерами или большевиками, если вам так нравится, но постарайтесь создать такие Советы, такие организации, в которых Вы являлись бы хозяевами своих интересов, где вы имели бы возможность сами решать свою судьбу. В заключение призываю Вас строить такие Советы, которые будут исполнителями воли всего трудового народа, а не диктаторами какой-нибудь партии. Мы должны создать строй, в котором каждый человек будет жить свободно, без давления откуда бы то ни было. Посылайте в Ваши Советы только рабочих и крестьян, и тогда Вы будете уверены, что победа за вами.

Речь. тов. Костина (левый с.-револ.). “Текущий момент”.

Товарищи! Я хочу рассказать вам немного о том, что делается в Великороссии. Вы можете мне не поверить, но вы должны верить тысячам ваших братьев крестьян, которые, видя свое тяжелое рабское положение, свою голодную, подавленную жизнь, часто восстают без оружия, без винтовок, с вилами, топорами и голыми руками. Восстают там не отдельные личности, а крестьяне многих волостей, и с женами, детьми и стариками идут под пули и штыки латышей и китайцев, ибо другого выхода не видят перед собой. Я Вас спрашиваю, товарищи. Неужели эти многие тысячи недовольных, восставших крестьян — кулаки, контрреволюционеры, как называют их большевики?

Ясно, что нет! Это все ваши братья, такие же крестьяне, бедняки, такие же угнетенные, Как и Вы здесь на Украине. Почему же они восстают в большинстве под лозунгом: “Власть Советам!”, “Долой комиссародержавие!” Да, политика тех людей, которые находятся у власти в Великороссии, ведет к этому. Большевики, например, придумали продовольственные отряды. Вооружают рабочих и посылают их в деревню силой отбирать хлеб у крестьян: деревне же взамен ничего не дают. Отбирают последние остатки, часто купленного самими крестьянами хлеба, отбирают последнюю кринку молока, и последнее платье и сапоги — все. Устраивают полный грабеж, санкционированный законом. Вот

какова, в кратких чертах, политика большевиков.

И удивительно ли, что они действиями своими вооружают против себя бедное крестьянство? Но интереснее всего то, что они этих восстающих, голодных, обездоленных крестьян называют “кулаками” и “контрреволюционерами”. Понятно, это делается большевиками для того, чтобы сфабриковать общественное мнение против недовольных, и затем уже легче расправляться с ними.

Мы, левые соц.-революционеры, говорим им: “Дайте деревне все, что ей нужно: мануфактуру, земледельческие орудия, обувь и берите взамен необходимое для города. Тогда крестьяне, несомненно, охотно дадут вам хлеб”. Далее: в существующие в деревнях комитеты бедноты имеют право выбирать все, кому угодно, только не трудящиеся. И “господа”, заседавшие в этих комитетах бедноты, приносят много беды, много горя бедному крестьянству. Они разгоняют Советы беспартийные, не большевистские, насаждают везде и всюду “назначенцев”-комиссаров, строят свои “чрезвычайки” — современные охранки. Да, чрезвычайки это настоящие охранки. Вы знаете, товарищи, что царское правительство для борьбы с революционерами посылало к нам провокаторов, шпионов. Это был позор и ужас, против которых восставали все сознательные люди, восставала временами даже буржуазия. И вот большевики пользуются такими же средствами, употребляют эти же опыты, прибегают к той же самой провокации в борьбе с истинными революционерами. Случаи большевистской провокации уже повторялись довольно часто. Они провоцировали анархистов и максималистов.

Вот, товарищи, крестьяне и повстанцы, некоторые из многих причин, которые являются источником крестьянских бунтов и восстаний в Великороссии. Я повторяю: не верьте мне. Но поверьте пролитой крови ваших братьев. Их вопли и призывы о помощи должны быть услышаны сегодня здесь на этом съезде. Из Курска и Москвы большевики пытаются перебросить сюда свои великоросские опыты... Разгон Исполкома в Волчанске, расстрел членов ревкома в Купянске, закрытие в Екатеринославе левоэсеровской газеты “Знамя борьбы”, разгон там же лекции анархистов — это те первые чёрные большевистские ласточки, которые направляются к нам из Великороссии. И таких ласточек здесь может очутиться целая стая. Все зависит от Вас, товарищи. Вот откуда-то приезжают никем не избранные “чрезвычайки”, комиссары, офицеры и т. д. Товарищи! Вы любите и уважаете Батьку Махно потому, что вы его сами избрали; но вы не можете любить и уважать откуда-то присланного к вам чуждого вашим интересам офицера, генерала и т. д. Вот товарищ делегат, ездивший к Врем. Правит, в г. Харьков, рассказал вам про 2-х генералов, которые записаны в партии коммунистов, а по сему имеют право командовать вами. И в этом же сознался и тов. большевик (Карпенко). Теперь, товарищи, хочу спросить Вас: разве хоть то верно, что эти генералы большевики? Нет! Царский прислужник не может быть искренним большевиком, хотя бы он и имел патент от большевиков.

Ваша задача, товарищи, следить за тем, чтобы здесь, на Украине, строились свободно избранные, а не партийные, однобокие большевистские советы. На вас лежит ответственный долг: защита революции и строительство новой, свободной жизни. (Шумные, долгие аплодисменты).

Речь тов. Барона.

Товарищи! Рабочие и повстанцы! Я не буду распространяться здесь перед Вами, как 8-го и 9-го сего месяца власти лишили меня возможности говорить о правде социализма. Об этом поговорю с Вами особо, когда закончится съезд.

Товарищи! Говорить о текущем моменте — это значит рассказать всю правду о том, что творится кругом. Уже два года у нас происходит революция. Первый раз в истории человечества власть оказалась в руках рабочих и крестьян. Социальная революция все больше разгорается и принимает самый острый характер. Буржуазия всего мира вздрогнула перед страшным призраком — своей смерти. Говорить правду о текущем моменте — значит сказать всю правду о том, что перед нами стоит враг всего мира, которого мы должны сокрушить во имя торжества Революции и Свободы. Ваш мощный повстанческий голос должен громко протестовать в настоящий момент против всякого перемирия с буржуазией. Ваша задача как революционеров и повстанцев требовать, чтобы война продолжалась до победного конца над буржуазией и мировым империализмом. У нас есть так называемое Советское правительство, которое назвало себя “рабоче-крестьянским”, но которое никто из вас не избирал.

Это самозванное правительство, пользуясь нашей слабой стороной — отсутствием в наших рядах тесной сплоченности, — узурпаторски властвует над нами и заключает сделки с иностранным империализмом, вновь набрасывая петлю на шею трудового народа. Это правительство, никем не избранное и диктующее нам сверху свои законы, не думая о том, хороши ли они для народа, или нет, ничуть не задумывается об интересах и нуждах последнего. В так называемой социалистической республике ходят многие тысячи безработных, о которых правительство и не начинает задумываться. Безработные мрут с голоду, а оно сидит себе в кабинете и пишет законы.

Большевики, бывшие до октябрьского переворота революционерами, теперь расстреливают всякого истинного революционера, кто мыслит не так, как им это желательно.

Хочу упомянуть о расстрелах крестьян в Колпине, факт, который является лишь незначительной крупницей в том море расстрелянных рабочих и крестьян, какое создала история большевистского властвования в Великороссии и на Украине. Крестьяне прислали своих делегатов в столицу для того, чтобы узнать, что делается вокруг, и они вместо правды, вместо того, чтобы найти внимательное отношение к своим интересам, были встречены декретами и законами.

Крестьяне, обманутые правительством, потерявшие терпение ждать “свыше” сфабрикованных законов, вместо разрешения всех нужд деревни, восставали и расстреливались этим самозванным правительством. Всякий человек, ищущий карьеры, вплоть до вчерашнего революционера, мог войти во все правительственные учреждения, раз он заручился партийной карточкой и затем издеваться над рабочими и крестьянами. Если же человек честен, не лицемер, если честный революционер не может продавать свои убеждения, свои принципы, то для него в этой “Социалистической Республике” нет ни работы, ни свободы слова, ни возможности проезда с одного места в другое. Одного слова

против этого диктаторского произвола достаточно, чтобы вас заклеямили контрреволюционером и объявили вне закона и вне жизни. Товарищи повстанцы! Ни время, ни физические возможности не позволяют рассказать о всех тех ужасах, которые творит это правительство над бедным народом вместо того, чтобы беспокоиться о нем, защищать его интересы.

Тов. крестьяне и повстанцы! Не этого ведь вы добивались, когда тысячи ваших братьев проливали кровь за истинную свободу, за равенство и счастье всех. Не во имя правительства и диктатуры кучки людей, потерявших честь и совесть, мы проливаем кровь. Наша задача творить социальную революцию, уничтожить всех врагов трудового народа, сбросить цепи, свергнуть всякую власть, тормозящую дело освобождения народа от рабства и насилия.

Товарищи повстанцы! Ваша задача теперь — создать везде, в каждой деревне свои вольные, выборные, безвластные советы, которые будут удовлетворять все нужды ваши, строить вашу хозяйственную жизнь и защищать ваши истинные интересы без вмешательства разных, узкопартийных комиссаров, навязывающих сверху свой партийный гнет. Только через свободные, безвластные, экономические Советы, через истинно трудовой Советский строй лежит путь к полному освобождению от ига капитала и власти, путь к социальной революции.

Да здравствует свободный, безвластный народ, строящий свою жизнь без всяких властей и политических нянек. (Несмолкаемые аплодисменты).

После целого ряда других ораторов, высказавшихся по этому вопросу и осветивших его всесторонне, съезд принимает резолюцию.

Из дальнейших прений вытекает, что все три обсуждавшиеся вопроса, как-то 1) о делегации, ездившей в Харьков, к Врем. Правительству, 2) доклады с мест и 3) о текущем моменте, а также вопрос 4) об отношении к Советской власти в фракционном масштабе... должны быть решены в одинаковой плоскости. Поэтому съезд приходит к соглашению, что должна быть принята резолюция, охватывающая всецело все эти пункты и в одинаковой степени отвечающая на них.

На заседании 15-го февраля, под председательством Веретельникова, предлагается резолюция по всем трем вопросам...

В порядке голосования вносится предложение, чтобы после оглашения каждой предложенной резолюции в отдельности высказались за и против нее по одному делегату, а затем уже ставить ее на голосование. Вносится предложение избрать комиссию для сгруппировки всех вынесенных резолюций, ввиду того, что эти резолюции резко одна от другой не отличаются.

Поступает затем предложение проголосовать вторично за все резолюции и затем одну из них принять за основу.

Батько Махно, находя, что резолюция, предложенная объединенными анархистами, левыми с.-р., повстанцами и президиумом — самая обширная, и что она охватывает всесторонне все

обсуждавшиеся вопросы, предлагает поэтому принять ее, причем рекомендует разобраться по пунктам и исключить ненужное, если таковое найдется. Собрание принимает абсолютным большинством за основу резолюцию, составленную объединенными группами...

Затем... с поправками, и подавляющим большинством 150 голосов — за; 29 — против и воздержались — 20, резолюция принимается.

Резолюция, принятая на заседании 15 февраля 1919 года II-м съездом фронтовиков-повстанцев, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов Военно-Революционного штаба Гуляйпольского района, по вопросу о текущем моменте.

Мы, фронтовики-повстанцы, рабочие, крестьяне, члены Советов и подотделов Главного Военно-Революционного штаба имени “Батько Махно”, съехавшись на II-й съезд Гуляйпольского района по инициативе 1-го районного съезда, после всестороннего обсуждения текущего момента пришли к следующему заключению:

Русская революция, чуть не с самого свержения самодержца Николая Кровавого, идет по пути установления Советского строя, при котором Советы рабочих и крестьянских депутатов на местах стараются наладить истинно свободную жизнь без дармоедов-чиновников и без шкуродеров-помещиков, кулаков и капиталистов. Пример российских и украинских крестьян и рабочих заразил другие страны Европы и Америки, и с каждым днем все больше расширяется великая международная социальная революция. Однако в настоящий момент революция в России и на Украине находится в большой опасности. Со всех сторон ополчились на нее разные офицерские, белогвардейские, красноводеникинские, колчако-семеновские, гетманские да петлюровские банды, желающие помешать освобождению трудящегося люда от его вековых угнетателей. Этим бандам помогают деньгами, провизией и военным снаряжением правительства Франции, Англии и других стран, богачи и владыки которых всеми способами стараются задушить ненавистную им русскую народную революцию. В последнее время эти хищники-мироеды стали натравливать на рабочих и крестьян Украины свои бессознательные темнокожие войска, начинающие помогать господам петлюрам и Красновым людьми и оружием.

II-й районный съезд фронтовиков Гуляйпольского района перед лицом надвигающейся внешней опасности приветствует товарищей повстанцев, грудью своей защищающих дело революции, приветствует тт. крестьян и рабочих, всех способных к оружию, встать на защиту великой народной революции от надвигающихся на нее чёрных сил разбойников-мироедов.

Но, к глубокому своему сожалению, съезд вынужден также установить, что рабочей и крестьянской русско-украинской революции, кроме внешних врагов, угрожает может быть еще большая опасность от собственных своих внутренних беспорядков. Советское правительство России и Украины своими приказами и декретами стремится во чтобы то ни стало отнять у местных Советов рабочих и крестьянских депутатов их свободу самодеятельности.

Нами не избранные, но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом местных Советов и беспощадно расправляются с теми товарищами из крестьян и рабочих, которые выступают на защиту народной свободы и против представителей центральной власти. Именуящие себя рабоче-крестьянским правительством России и Украины слепо идут на поводу у партии коммунистов-большевиков, которые в узких интересах своей партии ведут гнусную непримиримую травлю всех других революционных организаций. Прикрываясь лозунгом “диктатуры пролетариата”, коммунисты-большевики объявили монополию на революцию для своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами. Большевистская власть арестовывает и расстреливает левых социалистов революционеров и анархистов, закрывает их газеты, душит всякое проявление революционного слова.

Большевистское правительство, чтобы продолжать свою власть, не спросив рабочих и крестьян, вступило в новые переговоры с правительством союзных империалистов, обещая им всевозможные льготы и концессий, разрешая им ввести свои войска в некоторые местности России, которые переходят под влияние союзников.

II-й районный съезд фронтовиков, повстанцев, рабочих и крестьян Гуляйпольского района призывает тт. крестьян и рабочих зорко следить за действиями Советского большевистского правительства, которое своими действиями вызывает настоящую опасность для рабоче-крестьянской революции.

Мы призываем тов. крестьян и рабочих не поручать освобождение трудящихся какой бы то ни было партии, какой бы то ни было центральной власти; освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся. Пусть существуют различные революционные организации, пусть проповедуют свободно свои идеи, но мы не позволим ни одной из них объявить себя властью и заставить всех танцевать под их дудку. В нашей повстанческой борьбе нам нужна единая братская семья рабочих и крестьян, защищающая землю, правду и волю. Второй районный съезд фронтовиков настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих теснее сплотиться вокруг своих местных вольных советов крестьян и рабочих, чтобы самим на местах без насильственных указок и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира, строить новое свободное общество без властителей-панов, без подчиненных рабов, без богачей и без бедняков.

Съезд приветствует рабочих и крестьян Великороссии, сражающихся вместе с нами с мировым империализмом.

Долой комиссародержавие и назначенцев!

Долой чрезвычайки-современные охранки!

Да здравствует свободно избранные Рабоче-Крестьянские Советы!

Долой однобокие большевистские Советы!

Да здравствует свободное революционное слово!

Да здравствуют революционные организации!

Долой соглашение с российской и международной буржуазией!

Позор социалистическому правительству, ведущему переговоры с союзными империалистами!

Да здравствует мировая Социалистическая революция!

Затем оглашается телеграмма, посланная в Александровск, на заседание уездного крестьянского съезда от имени II-го съезда Советов, подотделов, Воен. -Револ. штабов имени "Батько Махно" и тов. фронтовиков:

Телеграмма:

II-й районный съезд Советов, подотделов, В.-Р. штабов имени "Батько Махно" и тов. фронтовиков приветствует Александровский уездный крестьянский съезд и тов. Кирьякова, взявшего в такой тяжелый момент ответственный пост защиты трудового крестьянства. Мы, крестьяне, собравшиеся в Гуляй-Поле на II-й съезд, поддерживаем вас и заявляем, что если на ваши крестьянские права и на вашу свободу кто-нибудь попытается посягнуть, мы, крестьяне, повстанцы и фронтовики, будем громко и активно протестовать. Мы будем бороться со всеми узурпаторами, покушающимися на вашу свободу, и всегда будем отстаивать ваши права.

Вперед за дело Социальной Революции!

Почетный председатель съезда "Батько Махно".

Почетный член съезда тов. Щусь.

Председатель тов. Веретельников.

Тов. председателя Херсонский, Чернокнижный.

Секретарь Крушо.

На этом заседании 15-го февраля закрывается до следующего дня.

На заседании 16-го февраля были сделаны доклады делегатов относительно беспорядков, имевших место во многих местах и принимавших часто характер самых острых эксцессов.

Так, например, по докладу делегата из колонии Межиричь тов. Якова Полякова, эта колония пострадала очень сильно от грабежей, насилий, самочинных реквизиций и убийств мирных жителей разными бандами, прикрывавшимися именем партизан.

Он нарисовал очень тяжелую картину о том, как пострадала эта деревня от действий вышеупомянутых банд, как весь инвентарь, живой и мертвый, забирается, а беззащитное

население убивалось. Пострадало сильно еврейское население этой колонии. Такие же доклады были сделаны представителями других мест, рисующие одну общую картину того, как разные группы тёмных личностей, бандитов, прикрывая себя именами честных повстанцев, громили и убивали мирных жителей и забирали их имущество. По заслушивании всех докладов по этому вопросу заседание съезда единогласно приняло резолюцию, предлагающую самую жестокую борьбу с грабежами, самочинными реквизициями и погромами. Лица, виновные в вышеупомянутых преступлениях, должны быть пойманы и расстреляны на месте.

Резолюция: против грабежей, насилий и еврейских погромов, чинимых разными тёмными личностями, прикрывающимися именем честных повстанцев.

II-й районный съезд фронтовиков, Советов, подотделов и штабов имени “Батько Махно”, заслушав доклад делегатов с мест о чинимых во многих местах разными бандами грабежах, насилиях и еврейских погромах, постановил: 1) Все бесчинства, выливавшиеся в форме грабежей, самочинных реквизиций и насилия над мирными жителями вызываются и поддерживаются тёмными, контрреволюционными элементами, присосавшимися к честным повстанцам и позорящими имя славных честных революционеров, борющихся за торжество свободы и справедливости. 2) Национальный антагонизм, принявший в некоторых местах форму еврейских погромов, — результат старого отжившего самодержавного режима. Царское правительство натравливало несознательные трудовые массы на евреев, надеясь всё зло, все преступления свои взвалить на еврейскую бедноту и этим отвлечь внимание всего трудового народа от истинных причин его бедствий, от гнета царского самодержавия и его опричников. 3) Перед лицом русской и надвигающейся Всемирной Социальной Революции одинаково восстали угнетенные и поработанные всех национальностей и всех убеждений. Рабочие и крестьяне всех стран и всех национальностей стоят перед одной великой, общей задачей — свержение гнета буржуазии, класса эксплуататоров, свержение ига капитала и власти и водворения нового общественного строя, основанного на свободе, братстве и справедливости. 4) Поработанные всех национальностей, будь они русские, поляки, латыши, армяне, евреи или немцы, должны объединиться в одну общую дружную семью рабочих и крестьян и сильным, мощным напором нанести последний и решительный удар классу капиталистов, империалистов и их прислужников и окончательно сбросить с себя цепи экономического рабства и духовного закрепощения. 5) Все лица, принимавшие участие в вышеупомянутых бесчинствах и насилиях, являются врагами революции и трудящегося народа и должны быть расстреляны на местах преступления.

Долой капитал и власть!

Долой религиозные предрассудки и национальную ненависть!

Да здравствует единая великая семья трудящихся всего мира!

Да здравствует Социальная революция!

(Резолюция принята единогласно).

Затем собрание приступает к следующему вопросу повестки дня:

“Об организации фронтовиков”

Высказываются одни делегаты за добровольную мобилизацию, другие за принудительную, тов. Борисов указывает, что крестьяне, которые защищают свою землю и свободу от врагов, которые сознательно защищают революцию, не должны придерживаться принципа принудительной мобилизации. 150 революционеров, сознательно и преданно вступивших на борьбу с врагами трудящегося народа, смогут сделать больше, чем 500 человек, взявших винтовки только потому, что их заставили пойти на фронт!

Тов. Мищенко указывает, однако, что добровольно идут на все, ибо очень много таких, которые относятся нечестно к интересам революции и уклоняются от защиты ее.

Тов. Бойко — против принудительной мобилизации. Он призывает к железной самодисциплине и также к тому, чтобы семьи сражающихся повстанцев были обеспечены материально для того, чтобы каждый крестьянин, берущий винтовку на плечи для борьбы с врагом, был уверен, что его жена, его дети будут обеспечены материально. В дальнейшем он мотивирует необходимость добровольной мобилизации тем фактом, что 20 революционеров, искренних, сознательных, проникнутых справедливостью долга и защиты революции, разбивают 400 человек регулярных неприятельских войск, отбирают у них оружие и забирают в плен их генералов только потому, что эти революционеры бесстрашно защищают революцию.

После продолжительных прений других докладчиков, высказавшихся по этому вопросу, голосуются предложения за принудительную или добровольную мобилизацию. В результате съезд приходит к соглашению, что мобилизация должна быть не принудительная, т. е. основанная на принципе давления сверху насилем и приказами, а обязательная в том смысле, что каждый крестьянин, способный носить оружие, сам должен сознать свой долг пойти в ряды повстанцев и защищать интересы всего трудящегося народа Украины.

Ставится на голосование предложение о мобилизации, с заменой понятия “принудительной” словом обязательной, в том смысле, что каждый крестьянин сам сознает обязательство пойти в ряды повстанцев.

подавляющим большинством 133-х голосов при 17 против и 32-х воздержавшихся собранием принимается предложение об обязательной всеобщей мобилизации.

Вносится предложение об организации Военно-Революционного Совета, которое принимается большинством собрания. Из каждой волости выбирается один человек для представительства в В. Р. Совете. Совет созвал в ближайшем времени съезд всех повстанцев и советских полков в таком месте, которое Совет найдет более удобным и соответствующим. Почетным членом В. Р. Совета большинством голосов, 2 против и 1 воздержался, назначается тов. Махно. Первое заседание В. Р. Совета созывается 25-го февраля 1919 года в селе Гуляй-Поле.

“В Военно-Революционный Совет были избраны: 1 — Чернокнижный — левый эсер от крестьян 2 — Яковлев-Коган — левый эсер от красноармейцев 3 — Херсонский — коммунист-большевик от красноармейцев 4 — Веретельников — левый эсер от красноармейцев 5 —

Бурбыга-петроградский анархист от штаба бригады 6 — Михайлов-Павленко — анархист от штаба бригады 7 — Васильев — анархист от штаба бригады 8 — Черняк — анархист Ивановской конфедерации от культпросвета 9 — Макеев — анархист Ивановской конфедерации от культпросвета 10 — Черняк — анархист от красноармейцев 11 — Чучко — коммунист от крестьян 12 — Шаровский — сочувствующий коммунистам большевикам от крестьян 13 — Махно Нестор — анархист от штаба бригады Карабет, Коваль, Петренко, Доценко и другие.

Председателем был избран бывший учитель — Черно книжный И. С., товарищем председателя — Яковлев-Коган"[203].

Следующий и последний на повестке дня: "Земельный вопрос".

С докладом выступает тов. Кушнарев, который говорит, что не надо "делить шкуру, пока медведь еще не убит".

Докладчик указывает, что нецелесообразно делить землю теперь, когда каждой пяди ее угрожает еще непосредственная опасность со стороны неприятеля. Тов. Кушнарев заканчивает свой краткий доклад предложением раньше совершенно освободить землю от неприятельских войск, а затем уже можно будет приступить к правильному разрешению земельного вопроса. Его предложение — снять этот вопрос с повестки дня и немедленно подумать о том, как бы скорее всю землю освободить от ног неприятельских банд.

Тов. Миксиренко говорит, что земельный вопрос — самый наболевший вопрос и что к разрешению его нужно отнестись в высшей степени внимательно и осторожно. Если снять сегодня этот вопрос с повестки дня, то, я уверен, говорит докладчик, что никто не пойдет на фронт, ибо крестьяне хотят быть уверенными, что они сражаются за свои собственные интересы, за землю и волю.

По этому вопросу высказывались и другие докладчики. После продолжительных прений по земельному вопросу большинством съезда была принята следующая резолюция:

Резолюция по земельному вопросу, принята на II-м районном съезде фронтовиков, Советов, подотделов и В. Р. штабов имени "Батько Махно" 16 февраля с. г. в селе Гуляй-Поле. Заслушав доклад о земле, обсудив его всесторонне и находя, что этот вопрос является самым наболевшим в жизни трудового крестьянства России, съезд постановил: земельный вопрос должен быть разрешен во всеукраинском масштабе на всеукраинском съезде крестьян на следующих основаниях: вся земля в интересах социализма и борьбы против буржуазии должна перейти в руки трудового крестьянства. Исходя из принципа, что "земля — ничья" и пользоваться ею могут только те, кто на ней трудится, кто обрабатывает ее — земля должна перейти в пользование трудового крестьянства Украины бесплатно по норме уравнильно-трудовой, то есть должно обеспечивать потребительную норму на основании приложенного собственного труда. Впредь же до решения земельного вопроса коренным образом съезд выносит свое пожелание, чтобы земельные комитеты на местах немедленно взяли на учет все помещичьи, удельные и др. земли и распределили бы их между безземельными и малоземельными крестьянами, обеспечив их и вообще всех граждан

посевными материалами. Что же касается передела всех земель обществами на местах к весне этого года на каких бы то ни было началах, то таковой быть проведенным в жизнь не может по своей сложности и ограниченности времени до наступления полевых работ и производившемуся посеву озимых хлебов.

Автор резолюции член Комарского Совета крестьянских депутатов А. Афендинов со своими товарищами крестьянами, фронтовиками.

Вместе с тем съезд протестует против правительства, которое, несмотря на требования трудового крестьянства хотя бы до съезда крестьян и рабочих заменить землю национализированную и частновладельческую социализированной и содействовать свободному распространению коллективной обработки земли, снабжая как коллективное, так и трудовое единоличное хозяйство деревни семенами, техническими силами и сельскохозяйственными орудиями, необходимыми для ведения общественного и единоличного трудового хозяйства, — отказалось удовлетворить вышеупомянутые просьбы... 2. Культурные земледельческие хозяйства, как-то: опытные показательные поля, пасеки, фруктовые сады, питомники и леса объявляются достоянием всего трудового народа. 3. Земля распределяется Уездными Земельными Комитетами на один урожай. 4. Норма надела на каждого едока обоого пола определяется уездными земскими комитетами. 5. Усадебная земля до полдесятины не входит в надел. 6. Больше полдесятины включается в число наделяемого количества земли. 7. В число наделяемой земли не входят овраги и вообще неудобные земли. 8. Те волости, которые имеют излишек земли, распространяют свои владения только на ту площадь земли, которая им причисляется по определению Уездного Земельного Комитета, а излишком распоряжается Уездный Земельный Комитет. 9. Если у крестьян к весне текущего года оказывается на каждого едока земли согласно нормы Уездного Земельного Комитета, то оставить ее в их пользовании, будь она засеяна или нет: а если окажется излишек, то таковой подлежит отчуждению в пользу неимущих. 10. Если крестьянин заарендовал землю своих или чужих волостей, и этим не превысил трудовую норму, то оставить эту землю в пользование таковому. 11. Все конфликты и недоразумения, как те, которые возникли теперь, так и за прошлый год, возлагаются на разрешение местных Волостных Земельных Комитетов, при содействии Уездного Земельного Комитета. 12. Распределение живого и мертвого инвентаря передается в ведение Уездного Совета. (Принято единогласно).

В заключение произносятся напутственные речи делегатов с пожеланием по возвращению на свои места приступить к энергичной дружной деятельности по пути строительства нового свободного общества.

Делегаты с бодрым и радостным настроением в сознании торжества конечной победы оставляют зал, чтобы по возвращению домой немедленно приступить к проведению в жизнь обсужденных съездом вопросов.

Заседание съезда объявляется закрытым»[204].

В свободное от заседаний время делегатам читались лекции, проводились митинги, каждый вечер в театре и кинематографе были представления и т. д.

Во время прохождения съезда наши войска не прекращали наступательных операций.

Сводка от 18 февраля сообщала, что на Мелитопольском направлении в районе ст. Пришиб полки Махно продвинулись по линии Большой Токмак и ст. Цареконстантиновка, Пологи, на Гришинском направлении наш бронепоезд 17 февраля обстрелял ст. Очеретино[205].

Одновременно с этим мы в поддержку частям Южного фронта, ведущим упорное наступление с севера, сдерживали «добровольцев» из Крыма, натиск которых по существу был связан с операциями в Донбассе.

Тогда же мы получили приказ «передвинуть свои войска влево и занять участок фронта: Волноваха–Чумаково (второе на линии Ловягино–Федоровка)».

Дыбенко должен был двинуться вперед и занять участок: Чумаково–Пиргин–Гольбштадт–Пришиб–Орлянковое–Балки[206].

Мы немедленно приступили к передислокации войск, уступая часть своих позиций полкам Дыбенко.

Числа 21 февраля к нам в Пологи приехал тов. Дыбенко с приказом. Мы заранее были оповещены о его прибытии и к встрече подготовились, приведя себя, после боев и скитаний, в порядок. Был смотр, было совещание с комсоставом, где Дыбенко зачитал приказ командующего группой Харьковского направления Скачко: «19 февраля 1919 г. Секретно. Войска, входящие во вверенную мне группу, приказано свести в дивизию, а посему приказываю: из частей, находящихся под командой тт. Дыбенко, Махно и Григорьева[207], образовать одну стрелковую дивизию, которой впредь именоваться Заднепровской украинской советской дивизией.

Начальником этой дивизии назначается т. Дыбенко.

Из отрядов атамана Григорьева образовать 1-ю бригаду, в составе которой должны образоваться 1-й, 2-й и 3-й Заднепровские пехотные стрелковые полки.

Из 13-го, 14-го, 17-го и 18-го полков образовать 2-ю бригаду, в составе которой должны образоваться 4-й, 5-й и 6-й Заднепровские стрелковые полки.

Из 19-го и 20-го полков образовать 3-ю бригаду под командой т. Махно, в составе которой должны образоваться 7-й, 8-й и 9-й Заднепровские пехотные стрелковые полки.

Кроме вышеозначенных частей, в состав этой дивизии входят бронепоезда № 8 и “Грозный”, авиаотряд, броневой дивизион и артиллерия в количестве 15 орудий и 1-й Екатеринославский кавалерийский дивизион.

Приказываю все это формирование произвести в кратчайший срок вышеуказанным начальникам, относительно же вспомогательных частей, которые в данный момент не могут (быть) сформированы своими средствами, в кратчайший срок войти в сношение со мной для представления комфронту и через него Наркомвоенту Украины для соответствующих

заданий военным комиссариатам в деле создания таких частей»[208].

Тут же были представлены политком бригады тов. Петров[209] и политкомы полков: 7-го — Конев[210] и 8-го — Карпенко. Командиром 7-го полка был утвержден Калашников, 8-го — Куриленко и 9-го — Тахтамышев[211].

Были высказаны обоюдные критические замечания и особенно с нашей стороны акцентировалось внимание на утвержденном малочисленном составе нашей бригады, которая должна была состоять, согласно штатному расписанию, из 7 075 человек[212].

Дело в том, что все виды довольствия ограничивались штатным расписанием бригады, а на остальных, кто не вошел в эту численность, довольствие не распространялось. Мы особенно остро ощущали недостаток оружия и боеприпасов, могли бы выставить целую армию, но оружия не было, и Дыбенко обещал нам свою помощь.

На следующий день мы получили оперативный приказ по группе войск Харьковского направления:

«19 февраля 1919 г. Секретно.

...На Мелитопольском направлении добровольцы концентрируют свои силы и пробуют перейти в наступление на Попов, а в районе Верхний Токмак-Волноваха ведут стычки с отрядами Махно. В этом районе встречаются части Кубанской казачьей дивизии.

В Донецком бассейне противник упорно защищает железнодорожные узлы Юзовка-Ясиноватая-Батманка-Никитовка, сконцентрировав в этом районе до двух добровольческих дивизий...

...В исполнение чего приказываю:

...1-й Заднепровской дивизии г. Дыбенко: а) Частями 1-й бригады Заднепровской дивизии т. Григорьеву держать фронт Помошная-Новый Буг-Большая Александровка-Западные Кайры-Водяное, передав отряд у Помошной в оперативное подчинение начдива 2-й... ...б) 2-й бригаде 1-й Заднепровской дивизии держать фронт Валки-Попово-Орехово-Пологи. Прочно укрепиться на этой пинии, возведя укрепления на пересечении дорог, ведущих с юга к этим пунктам.

Правым флангам бригады выдвинуться вперед в Мелитопольском направлении и захватить ст. Пришиб и Федоровку, закрепиться на них, не предпринимая дальнейшего наступления. Штабу бригады расположиться в Александровске. в) 3-й бригаде Заднепровской дивизии т. Махно овладеть железнодорожной линией Пологи-Ловягино-Волноваха и закрепиться на них, держа связь влево с группой Донецкого направления через ст. Велико-Анадоль-Еленовка-Доля. г) Штабу дивизии быть в Екатеринославе и озаботиться укреплением подступов к Екатеринославу...

Начальнику 1-й Заднепровской дивизии спешным темпом вести переформирование вверенных ему частей и возможно скорее привести дивизию в регулярный вид»[213].

Тогда же мы получили повторный приказ, уже от 21 февраля за № 18 о создании уже созданной Заднепровской дивизии[214].

Но для приведения 3-й бригады в регулярный вид нам ничего пока не дали. Ни обмундирования, ни боекомплектов, ни денег, ни специалистов.

Мы думали, что саботируют только нас, но так было во всех партизанских войсках. И это ярко отражено в телеграмме командира партизанского отряда 1-й бригады Заднепровской дивизии т. Ткаченко[215].

«Киев, комфронта т. Антонову, Нач. 2-й дивизии т. Ленговскому. Передается Харьков, председателю Совнаркома. Принята 27. II. 1919 г.

Несмотря на то, что я три месяца веду борьбу, ни от кого не получая даже вооружения для этой борьбы, несмотря на то, что я в настоящее время единогласно уполномочен своими товарищами выяснить судьбу отряда непосредственно путем переговоров с высшей инстанцией, я, приехав в Знаменку, сижу на ней с 8 час. вечера до сих пор и не могу выбраться отсюда ни сюда, ни туда: ни в Харьков не пускают, ни обратно паровоза нет, несмотря на то, что еду по важному делу и вдобавок своим паровозом.

Железнодорожники, за исключением одного телеграфа, ничего не дают; комендант юлит сюда и туда; поезд, отправленный со Знаменки продовольствием, разорван на перегоне, в паровозе через 20 верст нет воды. Он отправляет половину состава на пути, загромождает путь на Кременчуг; мой вагон проектирует прицепить к другому продовольственному поезду, который, чем черт не шутит, может тоже разорваться через каждые четыре или два часа. И это в то время, когда мои партизаны голыми руками отстаивают Помошную, потому что винтовок у половины отряда нет, кроме того, люди босы и голы.

Видя такое отношение к себе и тем товарищам, которых я поднял на борьбу, я во избежание всяких кривотолков и ответственности слагаю с себя свои обязанности. Раз мне искусственным путем каких-то закулисных влияний зажимают рот, раз все регулярно получающие жалованье саботируют открыто, зачем тогда буду мучиться со своими людьми я, потерявший всякое представление о человеческой жизни за эти три месяца. Не могу я больше продолжать начатую работу в такой атмосфере и, как честный человек и революционер, довожу об этом до вашего сведения и вместе с тем прошу срочного распоряжения: или по возможности проехать в Харьков выполнить возложенное на меня товарищами поручение, или отправиться на Помошную к товарищам, чтобы передать им то, что видишь по пути. Молчать больше нет смысла, лучше говорить горькую правду в глаза, чем кривить: я человек прямой, никогда никому не лгал и теперь не хочу»[216].

Но несмотря на трудности, мы продолжали наступать по направлению к Мариуполю и Волновахе.

На участке Пологи-Цареконстантиновка, после тяжелого боя заняли Цареконстантиновку и Прусаки. Почти полностью разбили белогвардейский Павловский полк. Захватили оружие, пленных и знамя противника. Ежедневно с винтовками и пулеметами к нам переходили перебежчики[217].

Несмотря на суровую, снежную зиму, непригодное для зимы обмундирование, особенно обувь, боевой подъем повстанцев был неопишум. Все буквально рвались в бой, и мы этому всячески способствовали. Притом только наступление было нашим спасением, оно давало нам вооружение, боеприпасы и питание. И мы наступали, стремясь как можно быстрее освободить свои семьи от белогвардейцев.

В связи с накоплением неприятеля в Донбассе, бои становились все упорнее.

Сводка сообщала о наших действиях: «...На Бердянском направлении в 18 км к югу от Полог и в 30 верстах к югу от Цареконстантиновки мы заняли Семеновку и Егорьевскую. В Мариупольском направлении после артиллерийского обстрела 13-й полк (Махно) занял ст. Волноваха, но оставил ее под давлением сильных резервов противника, поддержанных бронепоездами...»[218].

Развивая наступление на всех направлениях, Заднепровская дивизия нуждалась во всевозможном снабжении, которое должно было обеспечить успех в боях. Но централизованного снабжения как такового почти не было.

В частности с 17 января по Ъ[219] марта Харьковская группа войск получила из окружного артиллерийского управления всего 7 млн. патронов вместо требовавшихся 28 млн., 9000 трехдюймовых снарядов вместо 19 000 и т. д. Вовсе не получено снарядов к 102-мм, 122 и 152-мм орудиям[220].

Бригады самоснабжались за счет трофеев, не выполняя тем самым распоряжения гражданских властей.

На Дыбенко и командиров бригад Заднепровской дивизии «сыпались» жалобы во все инстанции.

5 марта для улаживания недоразумений между местными властями и Дыбенко в Екатеринослав прибыл командующий войсками Украины Антонов-Овсеенко. Состоялся ряд совещаний.

В своем заявлении Раковскому, Подвойскому и ЦК КП(б)У он писал: «В Екатеринославе на совещании, устроенном мною из представителей исполкома отдела военных заготовок, председателя совнархоза, губвоенкома, представителя железнодорожного узла и особой комиссии по смотру военных заводов, в присутствии тов. Берзина, состоящего по особым поручениям при главкоме Вацетисе, было непреложно установлено, что:

1. Нарекания на штаб Дыбенко и на самого Дыбенко неосновательны; между местными учреждениями и Дыбенко существует деловой контакт; самовольные реквизиции прекращены (под суд отдан начснаб Табачников), требования дивизии направляются по форме; история с 30 вагонами угля, захваченными будто бы Дыбенко, оказалась сказкой...

4. Установлено, что все обвинения против Дыбенко просто вздор и сплетни.

В более узком заседании (представителя от исполкома и председателя совнархоза) категорически установлено, что Дыбенко и его штаб не только не потакали левоэсерству и махновщине, но вели и ведут с ними самую решительную борьбу.

В разговоре со мной Майзель указал, что выражение “в штабе Дыбенко темные личности” принадлежит тов. Аверину[221] и относятся, между прочим, к некоему Росинскому. Установлено, что Росинский не состоит в штабе, а нанят как сапожник по специальности для заведывания починочной мастерской.

Установлено также, что анархо-синдикалист Петровский никогда не был прикомандирован к штабу и не допущен к работе в армии.

Нашим осмотром (в присутствии тов. Берзина) штаба Заднепровской дивизии выявлен образцовый порядок и энергичная работа штаба.

В кампании, поднятой против Дыбенко, усматриваю попытку сведения личных и узко-“фракционных” счетов с Дыбенко со стороны местного помпадура Аверина. Категорически настаиваю на прекращении этой травли, лишь разжигающей вражду между армией и советскими работниками гражданского ведомства, столь близоруко питаемую нашими “фракционерами” и имеющую некоторое основание в полнейшей импотенции местных совнархозов, предкомов и их руководителей»(8 марта 279/лк)[222].

Командукр всячески старался мобилизовать силы для фронта.

Мы тоже считали, что война есть война, а все остальные вопросы имеют подчиненное значение.

Но так думали и делали не все.

Созданная еще 27 декабря 1918 г. ВУЧКа множилась, росла и крепла.

Объезжая войска, командукр Антонов-Овсеенко слышал жалобы и многое видел своими глазами. Поэтому 5 марта 1919 г. на имя предсовнаркома Раковского, наркомвоендела Подвойского (копия Всеукраинской чрезвычайной комиссии Шварцу и Всеукраинской прифронтной чрезвычайной комиссии Воронину) была послана телеграмма: «В районе фронта, но на расстоянии двухсот, трехсот км боевой линии, с середины февраля объявились отряды фронтовых чрезвычайок, вооруженных до зубов русским оружием. Совершенно необходимо произвести реквизицию этих “богатырских” застав и подчинить их местному командованию. Комрев один сможет держать их под наблюдением и ввести надлежащую дисциплину. Мною подтверждено распоряжение командгруппы Скачко о перевооружении их винтовками “Гра” и пулеметами “Льюиса”»[223].

«Необходимо ускорить перевооружение всех запасных частей, резервных, а также и железнодорожных, продовольственных и всяких отрядов ЧК. Необходимо издать обязательное предписание о сдаче всеми гражданами, советскими служащими в том числе, не причитающегося им по штату оружия с заменой для имеющих право носить оружие, но работающих не на фронте, казенных револьверов — браунингами, 3-х линейных винтовок —

винтовками “Гра”и берданами»[224].

Со стороны местных властей продолжались открытые гонения на членов небольшевистских партий. Так, например, публиковалось: «Екатеринослав. 24-го февраля по распоряжению Исполнительного Комитета закрыт орган местной группы левых эсеров и произведены аресты. Поводом послужила агитация, направленная к восстановлению масс против Советской власти, в результате чего в некоторых деревнях дело доходило до ареста коммунистов-инструкторов.

Закрыт также и орган анархистов “Набат”»[225].

В этот период в Гуляйполе прибывало большое количество анархистов из России. Они привозили массу литературы и идей. Создавали общественные организации, выпускали газеты, листовки, читали лекции и т. д. Но материальных средств для этого было мало.

Газета «Гуляйпольский Набат»писала под рубрикой «Местная жизнь». «Протокол. Заседание Крестьянской группы анархистов-повстанцев села Гуляй-Поле от 24 февраля н. ст. 1919 г., шедшим под лозунгом “С угнетенными против угнетателей всегда”.

1. Заслушав доклад тов. Перелетченко[226] о дальнейшей работе в руководящих органах повстанческого движения, созданного под влиянием исключительно наших товарищей в районах с. Гуляй-Поля, Б.-Михайловка, Гришино, Синельниково, Александровска и Цареконстантиновка, которую в данный момент тов. большевики-коммунисты, не брезгуя никакими средствами, никакой политической авантюрой стараются направить движение в то направление, которое оправдывается только партией, но не народом рабоче-крестьянского мира. После всестороннего обсуждения вышеупомянутого вопроса решено предоставить право действия своим товарищам, состоящим членами ответственных, руководящих органов крестьянского движения перед всем народом и им творимой революции под самым строжайшим контролем группы.
2. Заслушан вопрос о материальной поддержке газеты “Набат”. После ясного освещения этого столь важного для всех нас вопроса группа повстанцев постановила всем, чем только возможно поддержать упомянутую газету, но группа считает своей обязанностью поставить перед группой “Набат”вопрос об изыскании средств для дальнейшего существования таковой и пути к отысканию этих средств. Группа повстанцев находит самым целесообразным лекции, спектакли, разъезды по провинциям ответственных ораторов-пропагандистов с целью агитации и создания крестьянских групп, производительных кооперативов и т. д., которые, безусловно, почувствуют потребность к родственному себе органу и поддержат его.

Издатель: Гуляйпольская группа анархистов “Набат”.

Редактор: Редакционная коллегия»[227].

В начале марта стало очевидным, что сил утомленной боями, поражениями и неурядицами, 13-й армии для освобождения Донбасса недостаточно и что туда надо направить новые значительные подкрепления.

Чтобы занять исходные позиции для решающих боев, войска 8-й и 9-й армий, изменяя главное направление наступления, отключились из активных боевых операций. Перегруппировка продолжалась 18 дней и закончилась с большим опозданием.

Этим воспользовались деникинцы, выиграв время для перегруппировки своих сил и подготовки контрнаступления.

Части 8-й и 13-й армий втянулись в навязанные им деникинцами безуспешные бои.

В районе Луганска находились 41-я дивизия 13-й армии и три дивизии 8-й армии, в центральной части Донецкого участка войск было значительно меньше: в марте сюда прибыла всего лишь одна бригада 9-й дивизии, которая заняла позиции с левого фланга нашей 3-й бригады Заднепровской дивизии, входящей в состав Украинского фронта.

Накопление неприятельских войск на Южном фронте продолжалось, и к 8-му марта достигло 44 000, из них в Донбассе до 10 000.

Несмотря на настойчивые приказы главкома Вацетиса командующему Укр. фронтом Антонову-Овсеенко, «выделить из состава Украинского фронта все свободные силы и бросить их на Донецкий бассейн», посылалось туда очень мало.

Вот характерная докладная записка Антонова-Овсеенко Главкому: «10 марта 1919 г. 21 час. Положение для меня было и есть вполне ясное. Южфронту мы передали до 10 тысяч штыков, 20 орудий, два бронепоезда, в резерве у меня ни одной сформированной части нет. Совершенно нет сапог, шинелей, винтовок. У Махно четыре очереди на одну винтовку, у Григорьева три, у Дыбенко две; артиллерийской упряжи нет. Запармия бежит. Глаголев просит подкрепить Киев, куда переходит правительство. Румыны и греки усиленно прибывают в Одессу, пока могу лишь послать два полка интернационалистов — 3 400 штыков, 24 пулемета, взамен чего хотел бы извлечь погранохрану и железнодорожный полк, теперь их оставляю Южфронту. Екатериноградцы уже двинуты, 2-й коминтернациональный полк идет через два дня. Дайте винтовок, сапог, шинелей, артиллерийской упряжи, и немедленно дадим дивизион артиллерии [и] по числу снаряжения — пехоту. Но должен еще раз указать, что связь с Купянском ненадежна, и в интересах дела необходимо передать гришинское направление нам.

Комфронта Антонов»[228].

Неуспех в центральной части Донбасса компенсировался успехами нашей Заднепровской дивизии, которая с боями продвигалась к Волновахе, Мариуполю, Бердянску, Мелитополю, Херсону, Николаеву, Одессе.

С 1 по 6 марта 1919 г. в Харькове проходил III-й съезд КП(б)У. На нем присутствовало 214 делегатов с решающим и 35 с совещательным голосом, представлявших 23 тыс. членов партии всей Украины. Съезд избрал ЦК КП(б)У.

По окончании работы этого съезда, 6 марта, там же, в Харькове, открылся III-й Всеукраинский съезд Советов, на котором планировалось обсудить, выработать и утвердить

законы: об Украинском правительстве, армии, продовольствии, земле, Конституции, произвести выборы в высшие органы власти.

В работе съезда приняли участие 1719 делегатов Украины с решающим голосом и 68 от Москвы и Петрограда с совещательным. Среди делегатов было 1435 коммунистов и им сочувствующих, «коммунистического бунда» — 19, Поалейцион и объединённой еврейской социалистической рабочей партии — 6, анархистов — 2, украинских социал-демократов — 2, незалежных — 1, интернационалистов — 5, украинских левых социалистов-революционеров — 100, украинских социалистов-революционеров (боротьбистов) — 150 и беспартийных — 70[229].

За правительственные резолюции должны были голосовать фракция коммунистов — 1435 делегатов, 150 делегатов украинских эсеров (боротьбистов), ЦК которой пожелало примкнуть к фракции коммунистов, вместе с ней голосовать и при голосовании подчиняться ее решениям, и 13 делегатов — членов других партий, также примкнувших к фракции коммунистов. Таким образом, к фракции коммунистов относилось 1598 делегатов с решающим правом голоса из 1719 присутствующих на съезде вообще.

Коммунисты-большевики, их декрет о выборах, его модус и роль Советов в избирательных комиссиях заведомо обеспечили себе успех в рамках съезда.

Повстанческие (махновские) войска были представлены наблюдателями тт. Херсонским и Чернокнижным, которым на съезде удалось выступить.

Троцкисты, находящиеся в ЦК и советском аппарате Украины, с Раковским и Пятаковым во главе, лихорадочно спешили узаконить аграрную политику, проводимую ими с первых дней своего пребывания на Украине.

«Положения о социалистическом землеустройстве и о переходных мерах к социалистическому земледелию», выработать которые III-й съезд КП(б)У поручил ЦК, было не только выработано и написано, а давно применялось практически.

Им-то и было недовольно крестьянство.

Но вместо того, чтобы тщательно изучить политическую и военную обстановку, проанализировать и понять психологию и цель борьбы крестьян, вероятность «образования коммун и совхозов без учета реальных возможностей», предусмотреть те последствия, к которым приведет такая аграрная политика, большевики на Украине стремились к протаскиванию своих планов и провоцировали крестьян Украины к сопротивлению.

Делегаты-крестьяне, присутствовавшие на III-м Всеукраинском съезде Советов, выражали обеспокоенность и несогласие с направленностью работы съезда, предупреждали, что если будет принят правительственный проект резолюции по земельному вопросу, это вызовет недовольство крестьян, и земля останется в этом году не засеянной. Но громадное большинство коммунистов, попавших на съезд, демонстрируя дисциплинарное единство, склонило съезд к принятию правительственных резолюций.

В аграрном вопросе «затейники» пошли на хорошо отработанный ими трюк, вынудив делегатов проголосовать за «кота в мешке» с последующей доработкой.

Стенографический отчет III-го Всеукраинского съезда Советов, сокращенный и обработанный его организаторами, все же проливает свет на события тех лет. Вот наиболее интересные моменты борьбы на съезде.

Открывает и приветствует съезд Председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины Раковский...

«...Председатель. Слово для приветствия предоставляется представителю повстанческих частей Таврического фронта т. Херсонскому.

Херсонский[230]. Тов. рабочие, крестьяне и красноармейские депутаты и повстанцы, приветствую вас в лице III-го Всеукраинского съезда рабочих, крестьян и красноармейцев, от тов. Махно и от имени его всех отрядов, впервые поднявших знамя восстания, восстания социальной революции. (Аплодисменты).

Товарищи рабочие, крестьяне и красноармейцы. Мы, товарищи-повстанцы, организуясь подпольно, организуясь по чердакам, по полям, организуя в подполье военно-революционные комитеты, голыми руками добывая себе оружие, выбивая из сел банды Кайзера, австрийские банды и германские банды и добывая голыми руками это оружие, мы подняли восстание во имя осуществления идеала всех трудящихся масс, и это восстание мы продолжали вести и ведем его до сих пор. Тов. Махно успел в короткий промежуток времени вокруг себя объединить всех товарищей крестьян и рабочих.

И наши кладбища говорят о том, как товарищи-повстанцы сражались и не допускали врагов: австро-мадьярские банды, германские банды, банды в лице кадетов, банды в лице Петлюры и компании. И вот эту свору всех паразитов и тунеядцев мы отбивали с достоинством революционеров. И шлем приветствие тем товарищам, которые прибыли сюда. Надеюсь, что мы будем идти рука с рукой, нога с ногой и душа с душой с товарищами великороссами. (Аплодисменты). Товарищи рабочие, крестьяне и красноармейцы, наша задача как товарищей великороссов, так и товарищей украинцев — соединиться всем вместе и на наших штыках понести разрушителям и угнетателям, кадетам и паразитам строй социалистический, и на развалинах пепелищ гнилой реакции мы поставим знамя всего трудового народа и скажем, что мы, рабочие и крестьяне, должны быть у власти. Мы, товарищи рабочие и крестьяне, должны строить свою судьбу. (Оркестр играет Интернационал).

Скрыпник. Фракция коммунистов предлагает избрать президиум в составе 15 человек: председателя т. Раковского, Бубнова, Кина, Аверина, Дробниса, Пятакова, Ворошилова, Ауссема, Затонского, Щербинина, Квинринга, Иванова, Гамарника, Сербиченко. Таким образом, одно остающееся место предоставляется украинским эсерам...

Скрыпник. Фракция коммунистов предлагает мандатную комиссию в составе 6 человек. Со своей стороны предлагаю тов. Хавского, Ляшина, Буценко, Голода. Остающееся шестое место предоставляется фракции украинских левых эсеров. Эсеры отказываются выступить и

предлагать. (Пятаков не дает слова).

Все пять человек (большевиков) избираются.

7-го марта. Второй день.

Утреннее заседание.

Регламент.

- Доклад Временного правительства.
- Прения по докладу.

(Председательствует т. Аверин).

Ворошилов. Президиум предлагает следующий порядок дня заседания Всеукраинского Съезда Советов (Читает).

Порядок дня: 1) Доклад правительства. 2) Вопрос военный. 3) Продовольственный. 4) Земельный. 5) Украинская Советская Конституция. 6) Выборы... Прения по докладу о Временном правительстве.

Шелонин. Прежде чем приступить к оценке деятельности Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины, наша фракция, фракция Украинских левых социалистов-революционеров считает необходимым обратить внимание съезда на то, что это правительство не было избрано никакими авторитетными съездами рабочих и крестьянских депутатов. (Шум, крик: “долгой”, свистки, звонок председателя).

Я повторяю, что правительство не было избрано никакими авторитетными рабоче-крестьянскими съездами. Правительство было назначено ЦК партии большевиков...

Это делалось в тот момент, когда требовалась спайка и организованность всех революционных сил.

И вот, тт., вместо того, чтобы все революционные силы привлечь к творческой работе, утверждается партийная диктатура одной партии, партии коммунистов, и отталкиваются в силу этого все другие революционные элементы, и, конечно, тт., с нашей стороны, со стороны партии левых соц.-революционеров, я могу вполне это определенно и открыто сказать: поддержки и доверия такому правительству быть не может. (Возгласы: “и не надо”, “и слава богу”). Большевики пошли еще дальше. Мало того, чтобы они совершенно искусственно удалили из всех Советов представителей харьковских левых соц.-револ., они пустили весь репрессивный аппарат на нашу партию, они закрывают газеты, арестовывают наших товарищей, и недавно были случаи, когда в Купянске и Волчанске были расстреляны свыше 20 членов нашей партии. (Крики: “неправда”, шум). Тт., в этот момент, когда здесь, в Харькове, вы собрались, чтобы решить судьбу Украины, в этот момент в харьковской холодногорской тюрьме и в екатеринославской продолжают томиться в заключении целый

ряд наших товарищей, стойких борцов за революцию, т. Карелин, т. Саблин, предводитель партизанских отрядов. От имени нашей фракции я выражаю самый решительный протест и требую, чтобы съезд постановил освободить немедленно всех левых соц.-револ., заключенных в тюрьмах в различных городах (Аплодисменты и сильный шум)...

Шелонин. Резолюция, предлагаемая фракцией Украинской партии левых социалистов-революционеров на Третьем Всеукраинском Съезде Советов: "Третий Всеукраинский Съезд Советов констатирует.

Съезд требует, чтобы Правительство прекратило все свои заигрывания с международными империалистами, стало на путь истинной революционной политики, отвечающей интересам международной соц. революции, и объявило беспощадную войну иностранному капиталу, открыто поддерживающему у нас на Украине отечественную реакцию и контрреволюцию. Рассмотрев внутреннее положение Украины, III-й съезд Советов констатирует, что политика правящей партии большевиков является точной копией их политики в Великороссии, причем на Украине насаждаются самые отрицательные стороны большевистского режима, давно уже осужденные историей.

Правящая партия проводит узкопартийную централистскую политику, сводящуюся не к установлению диктатуры трудящихся, а к диктатуре над трудящимися партии коммунистов.

Правительство большевиков, не обладающее никаким доверием и авторитетом в деревне, применяет к трудовому крестьянству самые крайние меры насилия. Правительство, никем не избранное, а самозванно назначенное партийным комитетом, отменило закон о социализации земли, принятый Вторым Всеукраинским съездом Советов и проводит твою собственную, чуждую трудящимся деревни, политику.

Эта политика выражается в искусственном насаждении так называемых коммун и советских хозяйств (с применением наемного труда) и ведет к созданию нового класса советских батраков. Проведением своей продовольственной политики правительство разрывает союз трудящихся городов и деревень, разрушает всякую возможность создания общесоветского фронта, столь необходимого в данное время. Исходя из этого, Всеукраинский съезд Советов заявляет, что перед трудящимися стоят следующие задачи: 1) обеспечение свободы выборов на рабоче-крестьянские съезды; 2) предоставление широких полномочий местным советам в хозяйственном и культурном строительстве страны; 3) упразднение чрезвычайок и передача их функций судебным советским органам, упразднение ревкомов, назначенных на место разогнанных крестьянских советов; 4) неуклонное проведение в жизнь основного закона о социализации земли, принятого на 2-м Всеукраинском съезде в Екатеринославе; 5) социализация фабрично-заводской промышленности; 6) коренное изменение большевистской продовольственной политики на началах организации через местные Советы продуктообмена между трудящимися городов и деревень и 7) реорганизация армии на началах выборности командного состава и всеобщее вооружение и обучение трудящихся"(Чтение резолюции прерывается шумом и криками: "теть", "долой").

Шлихтер. (Продовольственный вопрос).

...Весь товар выдается не каждому продавцу хлеба, не индивидуально, а распределяется в известном количестве на коммуну, на село, на волость. Дается определенное количество товара, который распределяется волей советских организаций и, в первую очередь, Комитетам Бедноты, по тому принципу, чтобы ни один аршин ситца, ни один сапог не достался кулакам, а в первую очередь — беднякам. Таким образом, задача товарообмена понимается нами как внедрение в деревнях нашей классовой политики, диктатуры бедноты...

Перед всем миром мы не должны смущаться упреками в том, что даже в ситце мы отказываем тому, кто является нашим классовым врагом. Мы должны прямо и ясно им это сказать, что для кулака должны быть хороши все средства.

Если нужно стягивать — будем стягивать; если нужно совсем задушить, будем душить (Возглас: “Что такое кулак?”).

Товарищи, я пользуюсь репликой из логи и говорю, что это, между прочим, вопрос не новый. На этот вопрос я отвечаю следующим образом: Комитеты Бедноты в деревнях всегда великолепно определяют, кто кулак и кто не кулак. В этом отношении инструкции из центра не нужны, они диктуются самой жизнью (аплодисменты). Мы не берем на себя попытку разграничивать население деревень на кулаков и не кулаков. Это дело компетенции местных жителей. (С места: “Просим разграничить, надо обязательно”)...

(Земельный вопрос)

Денисенко. Я приехал на этот съезд из Полтавской губернии и представляю собой крестьянина, который не имеет и четверти десятины земли. Товарищи, я должен сказать вам, что главным образом меня ничто так не интересовало, как большой вопрос о земле. Как разрабатывается этот вопрос, как рассудить его нам. Одни говорят: мы коммунисты, другие говорят: мы левые социалисты-революционеры, третьи говорят: мы украинские социал-революционеры, но это все я считаю неважным. Я сам беспартийный, но сочувствую коммунистам-большевикам, потому что у меня самого нет ничего. (Аплодисменты). Я должен сказать, товарищи, что все те 32 тысячи, которые меня послали сюда, почти все беспартийные, потому что селяне не могут найти своей партии. Все приезжают к нам и обещают золотые горы. Обещают землю и волю, и все, что угодно. Товарищи, когда я ехал сюда, на этот чрезвычайно важный Съезд, то мне селяне говорили: “Мы уже слышали про этих коммунистов”(я лично должен оговориться, что я сам сочувствую коммунистам, но мне говорили: “Если ты приедешь в село и привезешь нам коммуну, мы тебе морду побьем”(Аплодисменты). Для того, чтобы нам быть сплоченными, для того, чтобы нам не считаться так, как считалась собака с лошастью (эту басню вы, наверно, все знаете), нам нужны самые хитрые меры, нам нужны такие меры, чтобы мы на факте могли доказать, что коммуны — святое дело.

Сейчас нам предстоят весенние работы, и я вам скажу следующее: например, у нас есть участок в 500 десятин земли; если нам скажут: “селяне, идите в коммуну и сейте на этой земле”, я уверен, что если им сказать: “вы посеете, то вы и пожнете”, то ответ таков: “мы уже сеяли, а паны жали”. Я не знаю, товарищи, почему это Всеукраинский Съезд так

старается ухватиться за каждого оратора, желая его сломать. Товарищи, я извиняюсь, что так плохо говорю по-русски, но, хотя я 4 года был на военной службе, а не научился говорить. Да здравствуют коммунисты, но коммунисты наши. (Аплодисменты). Товарищи селяне и рабочие, я должен сказать, что мы, крестьяне, всегда встречали вас с хлебом-солью, а вы почему-то ставите нам же упреки, которых мы не заслужили. Мы крестьяне не касаемся вопроса о фабриках, как они будут существовать. Да бог с ними, как они будут существовать. Вот так же томно мы хотим, чтобы вы отнеслись к земле. Нужно, чтобы сами крестьяне разрешили вопрос о земле. Тогда вы будете есть хлеб, будете есть мясо, будете есть сало. Для того, чтобы мы могли работать без контроля. У нас был уже контроль гетмана и Центральной буржуазной рады. Тогда хлеб лежал в земле. Товарищи крестьяне и рабочие, мы должны здесь говорить не о вражде, а о примирении. Нельзя так кричать, как мы здесь кричим. Товарищи рабочие, постарайтесь устроить так все коммуны, как того хотят сами крестьяне на местах. (Аплодисменты). Вот, товарищи, здесь предлагают различные резолюции. Ясно, товарищи, что очень важно, чтобы эти резолюции прошли на места. Нельзя, чтобы на местах проводили резолюции нагайками, чтобы нам не приходилось убегать в болота. (Аплодисменты). Я скажу одно: Селяне, просите землю в свое распоряжение. (Голоса: “Правильно”. Аплодисменты).

Председатель. Слово принадлежит тов. Чернокнижному[231].

Чернокнижный. Товарищи крестьяне и товарищи рабочие. Мы пришли сюда не для того, чтобы упрекать, что тот сделал то-то и тот сделал то-то, не для грызни мы собрались, а для творческой работы. И чем больше мы будем работать, а не переливать грызню из одного места в другое, то тем плодотворнее будет наша работа. Поэтому я скажу: сидя здесь и наблюдая и следя беспристрастно за всеми, я вижу, что никто не желает вреда, но рабочим, которые работали, не покладая рук, от этого ни лучше, ни хуже. Я говорю: мы должны практически подойти к решению земельного вопроса, ибо этот вопрос — основа всего благосостояния как крестьян, так и пролетариата.

Товарищи, я вам должен сказать, что относительно свободной коммуны никто ничего сказать не может, но, к сожалению, относительно того, как она проводилась, уже есть некоторые данные и довольно неприятные и неудобоваримые для крестьян. Я думаю, что все те ошибки, которые были в России, не должны повторяться на Украине. Я думаю, что те люди, которых мы избираем, не сделают себе вреда, ибо они научены горьким опытом, будут знать, как поступать. В этом нет сомнения. Но, товарищи, я только настаиваю на том, чтобы крестьянам, которые до сих пор вели свое хозяйство, самим предоставить широкое право распоряжаться землей, как они хотят на местах, хотя бы на этот единственный сезон, в противном случае и крестьяне и рабочие останутся без хлеба. Говорят, что наше сельское хозяйство разрушено: не достает орудий и т. д., а я должен сказать, что здесь есть маленькое преувеличение. Действительно, кое-что поломано и лошадей не хватает, но всё-таки, если крестьянам дать землю и сказать, что, сколько вы потрудитесь, столько будет ваше, то безусловно вся земля будет засеяна. (Крики: “Браво”. Аплодисменты).

Должны быть приняты меры к тому, чтобы излишки хлеба на Украине были переброшены в те места, где хлеба не было. Нельзя отрицать, что если отсюда возьмут много хлеба, то едва ли хватит засеять ту землю, которая уже готова для посева.

Товарищи, я еще раз говорю: для того, чтобы были благотворны коммуны, должна быть правильная и регулярная работа. Нужны, прежде всего, соответственные паровые машины, тракторы и т. д... Иначе мы останемся без хлеба. Поэтому я убедительно прошу не вносите дезорганизацию. Я говорю, товарищи, как рабочие, так и крестьяне, вы отлично понимаете, что ваша единая цель — борьба с капиталом и свержение его, это наша общая цель. Поверьте мне, крестьянство лучше знает, как ему и где потрудиться. Будьте добры, уступите в этом вопросе хоть на один год, и будьте уверены, что вы будете и напитаны и накормлены всем, что надо: дайте полную самостоятельность в этом году, ибо сеять надо через неделю, а если крестьяне не посеют, то будет плохо. Тут один товарищ сказал, что ему был дан такой наказ в деревне: “если ты нам привезешь коммуну, то мы тебе морду побьем” — это совершенно правильно. Они привыкли так работать и им подходит так работать.

Товарищи крестьяне, от вес зависит ход революции, помогайте нам, а делайте как хотите и как находите наилучшим. Поэтому я мог бы предложить только один путь: чтобы все крестьяне, как таковые, собрались после общего заседания, сговорились, прочли друг другу те наказы, которые каждому давали из волостей (голоса: “Правильно”. “Ну да каждому давали”), и вынесли свою земельную резолюцию. Вот то мое предположение. (Аплодисменты).

Председатель. Ко мне поступило несколько десятков записок с предложением о прекращении прений (голоса: “просим”, “просим”, шум).

С мест. Тов. председатель, прошу вас не прерывать прений, и дать возможность высказаться местным селянам, которые приехали сюда и так жаждут разрешения земельного вопроса. (Шум, аплодисменты, звонок. В зале невообразимый шум. Призывы председателя к порядку не помогают. Председатель непрерывно звонит, шум продолжается).

Председатель. Тов. Рафиса и Богуславского т. Раковский просит явиться на сцену.

Поступило предложение о прекращении прений (страшный шум).

Товарищи, учитесь решать вопросы голосованием, а не криком. Кто за прекращение прений, прошу поднять руку. (Поднимают мандаты). ...Очевидно, за прекращение прений большинство. Таким образом прения по земельному вопросу окончены. (Шум, крики: “Нет, нет, не большинство, неправильно”). Товарищи, мне со сцены видней. Заключительное слово предоставляется тов. Мещерякову. Тов., вы меня не перекричите. Раз я видел то, что большинство было за прекращение прений, я не буду переголосовывать. (Шум, протесты). Товарищи, если вы будете продолжать кричать, я немедленно закрою собрание до завтрашнего дня. (Крики: “Пожалуйста”).

Мещеряков. Товарищи, мне подано больше 40 записок. Отвечать на каждую в отдельности заняло бы страшно много времени. (Шум).

Председатель. Товарищи, еще раз заявляю, что здесь не базар, а высший орган власти Украины — Съезд Советов. Поэтому не полагается вести себя так, как базарным торговкам.

(Шум продолжается. Председатель звонит). Товарищам с мест я не буду отвечать. Поэтому прошу не кричать, а подавать записки...

Председатель. Слово для оглашения резолюции имеет председатель фракции большевиков-коммунистов тов. Скрыпник.

Скрыпник. (Читает). "Заслушав доклад Народного Комиссара Земледелия тов. Мещерякова и выработанный Рабоче-Крестьянским Правительством Украинской ССР проект положения о социалистическом землеустройстве, III-й Всеукраинский съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов постановляет: учитывая то, что крестьяне на местах совершенно не понимают целей коммунальной обработки земли, III-й Всеукраинский съезд Советов предлагает Наркому Земледелия немедленно приступить к организации курсов инструкторов по земельному вопросу, которые по окончании могли бы выехать на места и детально разъяснить положение о коммунах, а также приступить к их организации и утвердить предложенное положение о землеустройстве в целом и для окончательной обработки его, соответственно местным условиям, передать его в избираемый съездом Всеукраинский ЦИК Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов". (Аплодисменты).

Данная резолюция выработана по соглашению фракции коммунистов с фракцией украинских социал-революционеров. (Аплодисменты).

Председатель. В президиум поступил ряд записок, в которых предлагается, чтобы товарищи крестьяне-депутаты, привезшие с собой указы по земельному вопросу, представили бы эти указы в президиум для оглашения. Я полагаю, и президиум в этом отношении со мной вполне согласится, что огласить все эти указы невозможно в силу того, что поступил целый ряд записок, требующий скорейшего окончания работы съезда. Поэтому я предлагаю от имени президиума следующее: чтобы все указы по земельному вопросу в течение сегодняшнего и завтрашнего дня представить президиуму. Так как резолюция по земельному вопросу гласит, что мы не принимаем здесь в окончательном виде земельного закона, а принимаем его в общем и целом за основание и разработку его передадим в ЦИК, то мы все эти указы передадим в Земельную Комиссию ЦИК. Возражений против этого предложения нет. (Голоса: "Нет, есть"). Слово по поводу оглашения указов предоставляется председателю левых соц.-революц.

Стрельцов. От фракции ссц.-револ. должен заявить, что мы являемся сторонниками самого широкого оглашения тех указов, которые имеются у многих депутатов. Принимая во внимание то, что, действительно, тысячу указов здесь огласить нельзя, мы предлагаем, чтобы наиболее важные из них, в которых говорится о социализации земли и противоположные, огласить в печати. (Голоса: "Правильно". Аплодисменты).

Председатель. По поводу оглашения указов слово имеет тов. Калюжный.

Калюжный. Безусловно, есть много указов по социализации земли, но это ничего не доказывает. Мы знаем, что сейчас в селах черная сотня и белогвардейцы и всякая другая буржуазия ведет агитацию против революции. И если буржуазия ведет агитацию против

революции, то она прикрывается в этом случае как-будто бы революцией. Раньше она говорила против национализации, а теперь она против коммуны. Что нам дает чтение наказов? То, что мы узнаем, что в селах много еще не понимают. Вот сегодня тов., который назвал себя коммунистом, выступил против коммуны. Значит, он чего-то не разобрал. Вы много слышали о коммунах. Вы сегодня постановили или постановите в своей резолюции, чтобы закон был переделан согласно местным условиям. Если вы примете эту резолюцию, которая выработана, этим самым вы успокоите селян, и в этом самом законе есть частица социализма. Значит тут незачем затягивать заседание и перечислять наказания, а надо постановить так, чтобы все наказания перешли в ту комиссию в Центральный Исполнительный Комитет, который будет выработать закон. Он с ними будет считаться.

Председатель. Слово предоставляется т. Бобкову.

Бобков. Товарищи, ясно видно, что левые эсеры воспользовались сегодняшним днем, тем временем, когда был потушен свет, и сделали что-то сзади. Были слышны совершенно провокационные слухи.

Председатель. Я вас призываю к порядку. Тов., будьте добры не кричать. Я, как председатель, сам знаю, что мне надо делать. Т, Бобков, призываю вас к порядку за подобные выражения.

Бобков. Я предлагаю наказов не оглашать ввиду того, что у нас мало времени, и каждый делегат торопится домой. Оглашение наказов займет много времени, это первое. Затем, второе, то, что замечаются случаи, что делегаты поодиночке уезжают на места; если мы будем продолжать наш съезд еще 4-5 дней, я уверен, что большинство делегатов разъедутся...

Председатель. Тов., прошу успокоиться и не мешать оратору говорить.

Бобков. Тов., наше оглашение докажется фактом, когда мы здесь от имени трудовых масс скажем, что земля является общегосударственной собственностью.

Председатель. ...Кто за предложение президиума передать все наказания в президиум и поручить ему эти наказания передать Земельной комиссии ЦИК, Советов Украины, чтобы, считаясь с ними, согласовать земельный закон, который в общем примет съезд, с местными нуждами.

Кто за это предложение, прошу поднять красную карточку. Прошу опустить. Кто против? Прошу опустить. Кто воздержался? Прошу опустить. Подавляющим большинством голосов предложение президиума принято.

Слово для оглашения резолюции имеет представитель левых эсеров т. Стрельцов.

Стрельцов. ...Революция поставила на очередь ликвидацию остатков права помещиков на землю, всех кабальных отношений, которыми оно держалось. Наконец, в полной мере встала задача устранения частнособственнического начала в организации земледельческого труда. Но, как и раньше, главным требованием трудового крестьянства

является повсеместное проведение социализации земли, то есть отмена частной собственности на землю и проведение уравнительного трудового землепользования, исключая наемный труд.

Поэтому III-й Всеукраинский съезд Советов постановляет в основу разрешения земельного вопроса положить закон о социализации земли, принятый на II-м Всеукраинском съезде в г. Екатеринославе. Съезд находит далее, что земельная политика правящей партии коммунистов-большевиков решительно противоречит интересам трудовой деревни. Эта политика, заключающаяся в насаждении государственных сельскохозяйственных экономии, с применением наемного труда, в создании класса государственных батраков и искусственном создании коммун, не может удовлетворительно разрешить земельный вопрос. Национализация земли (советские хозяйства), заменившая собою социализацию, с одной стороны, лишает трудовое крестьянство значительной доли помещичьей земли, кровью завоеванной им в процессе революционного восстания, а с другой — узаконивает эксплуатацию труда, заменяя прежнего хозяина земли, помещика, новым, более сильным — государством.

Съезд приветствует естественный рост сельскохозяйственных коммун и других переходных форм общественной обработки земли (артели, товарищества и проч.).

В этих формах съезд видит первые шаги по пути осуществления социализма и заявляет, что проведение в жизнь этих новых форм возможно только при беспощадной классовой борьбе всего крестьянства с кулаческими элементами деревни.

Но вместе с тем съезд полагает, что всякое искусственное насаждение земледельческих коммун не должно иметь места, так как эти покровительственные подачки отдельным группам земледельческого и неземледельческого населения нарушают правильное распределение земли и только оттолкнут трудовое крестьянство от нового общественного земледельческого хозяйства.

Председатель. Тов., таким образом, внесены две резолюции... Одна резолюция общая — Бюро фракции коммунистов и украинских эсеров, содержание которой следующее в общем одобрение земельного закона, предложенного Временным правительством, и передача этого закона на обсуждение и переработку, согласно с местными условиями, Центральному Исполнительному Комитету Советов Украины. Это первая резолюция. Вторая резолюция внесена левыми эсерами, только что вам прочитана. Вот эти две резолюции я голосую.

Кто за первую резолюцию большевиков и украинских эсеров, прошу поднять красные карточки. Прошу опустить. Кто за резолюцию левых эсеров, прошу поднять карточки. Прошу опустить. Кто воздержался? Таким образом, подавляющим большинством голосов при небольшом количестве против, при небольшом количестве воздержавшихся принята резолюция большевиков-коммунистов...».

Организаторы съезда были весьма довольны собой.

Сколько труда, волнений, мастерства было ими вложено в достижение цели. И вот теперь все позади.

Со стороны делегатов было внесено много предложений, дополнений и поправок, принятие которых грозило авторам проекта провалом ими задуманного эксперимента над украинским крестьянством.

Делегаты-крестьяне, оболваненные хитросплетениями политиканов, их «тактическими соображениями», понимали, что земли им не видать, и растерянные, чувствуя свою неполноценность, потеряли интерес к съезду, и группами и в одиночку стали разъезжаться, не дожидаясь окончания работы съезда.

Ждать было нечего.

Аграрный закон, обсужденный и переработанный «согласно местным условиям»ЦИК Советов Украины, оказался простым стереотипом первоначального варианта, без изменений, предложенных делегатами. В спешном порядке было выделено только под совхозы 1 091 000 десятин земли, на которых разместили 1 685 совхозов[232].

По губерниям Украины площадь совхозов распределилась следующим образом:

Киевская губерния	11 954 дес.
Подольская губерния	108 000 дес.
Волынская губерния	100 000 дес.
Черниговская губерния	32 750 дес.
Полтавская губерния	85 896 дес.
Харьковская губерния	111 000 дес.
Екатеринославская губерния	297 000 дес.
Херсонская губерния	350 000 дес.[233]

Обращает на себя внимание количество земли, выделенной под совхозы в Екатеринославской и Херсонской губерниях, что и явится одной из причин конфликта крестьян с коммунистами.

Впоследствии будет сделано заключение, что «Широкий размах совхозной политики 1919 г., которой стремились большую часть помещичьих хозяйств сберечь как “хлебные фабрики”, когда личные стремления крестьян организовать свое мелкое хозяйство ещё не были изжиты, государственный аппарат не налажен и продолжалась острая гражданская война, был преждевременным...»[234].

Позже на VIII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил: «Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков, и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится»[235].

Разыгранный на съезде фарс обеспечил протаскивание закона о земле. А кто и как должен был обеспечить его выполнение на местах, кто должен был выйти работать в поле? Ведь

обществу далеко не безразлично, о чем, о каком деле будут думать крестьяне. О том главном, свершить которое призваны в мировой революции, или почувствуют себя бесправными рабами на чужом поле? Появятся ли у миллионов признаки раздражительности и озлобления?

Крестьянин тоже имеет мечты, сердце, душу; он и агроном и экономист и работник на все руки и дипломат, а за годы империалистической бойни и гражданской войны он стал и опытным воином. Есть у него и самолюбие и тщеславие и личное мнение.

Среди многомиллионного сельского населения Украины почти не было членов КП(б)У: Те 23 тыс.[236] в основном стояли у кормила партийного, государственного и военного аппарата.

Крестьянина лишали земли, но предлагали быть работником на ней в советском хозяйстве (совхозе), то есть, по понятиям крестьян, работать на государственной земле — быть батраком, а не хозяином.

Какая здесь была личная заинтересованность крестьян? Что об этом думали идеологи от троцкизма — Раковский, Пятаков и компания?

И действительно, новые продуктивные силы требуют, чтобы у работника была инициатива в производстве и желание трудиться, заинтересованность в труде. Настоящего творца стимулирует полная свобода творить, трудиться по-своему.

Но Раковский считал, что действовать надо решительно, необходимо позаботиться о принудительной силе, которая обеспечит советское земельное право. Решил действовать соответственно своей методике.

Борясь с «национализмом», глава Совнаркома Украины Х. Раковский, на этом же, III-ем съезде, говорил: «Мы покончили с национальными различиями»[237]. Ему вторил другой «вождь»украинского народа Г. Пятаков, который заявил на VIII-ом съезде РКП(б), что: «Национальностей никаких не нужно, а нужно объединение всех пролетариев».

Активизировалось укрепление местных органов власти, продармии, ЧК, начался поход на инакомыслящих...

На второй день после начала работы III-го Всеукраинского съезда Советов, в Гуляйполе, для решения волнующих вопросов, был созван съезд Военно-Революционного Совета повстанцев.

На нем делегаты высказывали недовольство проводимой Временным Украинским правительством аграрной политикой, системой избрания делегатов на III-й Всеукраинский съезд, притеснениями других партий, действиями чрезвычайек в тылах, закрытием газет и других способов информации для левых партий, отбиранием хлеба продармией, состоянием фронта и войск, снабжением и т. д.

Выступающие требовали обеспечить выполнение решений II-го Всеукраинского съезда, прошедшего в Екатеринославе 17–19 марта 1918 г., и II-го Съезда фронтовиков-повстанцев,

рабочих и крестьянских Советов, прошедшего 12 февраля 1919 г. в с. Гуляйполе.

Высказывались предложения блокировать доступ органов любой государственной власти в районы махновского влияния.

Перегибы советских органов на селе, суровые методы разверстки накаляли обстановку в уездах. Продработники осуществляли жестокие поборы в деревнях, а к тем, кто выражал недовольство, применяли репрессии.

Такие методы должны были разоружить крестьян в пользу белогвардейщины, а мы этого допустить не могли.

К нам пришли десятки тысяч крестьян, для которых земля, урожай было синонимом — жизнь. Они принесли с собой святую ненависть к помещикам и богачам, к любой власти, всегда их обманывающей и эксплуатирующей, к законам, специально придуманным для одурачивания и эксплуатации масс меньшинством.

Те, кто недавно составляли оппозицию власти царизма, а несколько месяцев спустя проявили грубость, диктаторские поползновения, враждебность к критике, не могли найти понимания у крестьян Украины.

Крестьяне понимали, что начальство руководствуется не патриотическими чувствами, понимали действия руководства как мероприятия, загоняющие крестьян на «панщину», в кабалу. И уже чувствовалось самоотверженное сопротивление крестьян, наметившемуся угнетению большинства меньшинством. И съезд ВРС повстанцев по текущему моменту вынес следующую резолюцию:

«Резолюция Съезда Военно-Революционного Совета в с. Гуляй-Поле из представителей 32 волостей от 7-го марта 1919 года.

Обсудив всесторонне по текущему моменту обстоятельства в смысле укрепления свободы и фронта и по докладу с мест постановили: 1. Мы требуем единого революционного фронта всех революционных партий, стоящих на платформе доподлинной Советской власти из беднейших крестьян и рабочих. 2. Признаем Советскую власть на Украине в лице свободно избранных на пропорциональных началах из трудящихся масс беднейших крестьян и рабочих, диктатур каких-либо партий не допускаем. 3. Требуем немедленной замены чрезвычайек Военно-Революционным Трибуналом, выделенным из свободно избранных Советов беднейших крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 4. Смертная казнь должна быть применима к грабителям, бандитам и контрреволюционерам, при строгом расследовании Военно-Революционным трибуналом на местах. 5. Требуем свободы слова, печати и собраний для всех левых политических партий и групп для всестороннего освещения истины без травли одна на другую. 6. Требуем, чтобы в красноармейских войсках был выборный Командный состав и если таковой требует прохождения Военно-Революционной школы, то послать в таковую и с обязательным возвращением по окончании курса к своим избирателям. 7. Мы требуем, чтобы в революционной армии не было национальной травли. 8. Мы требуем от всех вождей левых политических партий и групп начать агитационные и творческие работы, а не травлю, которая существует, ибо мы,

крестьяне и рабочие, не доверяем и не отдадим власти из своих рук ни той ни другой партии, ибо враг может воспользоваться этой партийной распрей. 9. Мы требуем введения в революционной армии строгой товарищеской дисциплины, основанной на сознании революционного долга. 10. Требуем строгого контроля от состава революционных частей за самочинные выступления бандитов и грабителей. 11. Приветствуем революционную армию в лице т. Махно, которая первая восстала против наших угнетателей в защиту трудящихся масс на Украине. 12. Приветствуем тт. красноармейцев великороссов, которые идут рука об руку с нами. **ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЕДИНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ВСЕГО МИРА! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЛАСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС БЕДНЕЙШЕГО СЛОЯ! НА НАЧАЛАХ СВОБОДНО ИЗБРАННЫХ СОВЕТОВ!**

Председатель съезда Веретельников Секретарь — Александров»[238].

Вечером в кинематографе было дано большое театрализованное представление, посвященное 105-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко.

К шевченковским дням готовились всюду, а в Гуляйполе особенно. Сохранившиеся в Гуляйполе театральная труппа, хор и оркестр подготовили репертуар из произведений Т. Г. Шевченко. Зал был переполнен.

Вечер начался выступлением хора: «Реве та стогне Днир широкий...» Все встали и слушали песню стоя.

Театрализованная биография Шевченко была настолько трагична, близка и понятна каждому, а исполнялась с такой душевностью и драматизмом, что многие плакали, не стесняясь своих слез. Каждый за эти минуты как-будто вновь проживал свою жизнь.

Дальше в музыкальном сопровождении следовали одно произведение за другим.

Первое отделение закончилось «Заповітом»: Як умру, то поховайте Мене на могилі, Серед степу широкого На Вкраші мили...

Во втором отделении была показана драма «Пазар Стодоля».

Долженко, наплакавшись, восхищался: «Вот это воздействие, вот это чистилище, выходишь как-будто другим, а патриотизма и самосознания хоть отбавляй...»

Однако нас ждал фронт. Выход повстанческих войск к Азовскому морю и занятие побережья рассекал войска противника на две части, лишал его возможности получать помощь со стороны моря, парализовал маневренность, прерывал связь, лишал снабжения углем корабли Антанты, создавал угрозу окружения группировки противника в Донбассе и т. д.

И мы, преодолевая все возрастающее сопротивление, продвигались вперед, подрезая фланг донецкой группы белых.

Заднепровская дивизия наступала. В сводке сообщалось: «9-го марта Григорьев занял Херсон, 12-го марта происходил жестокий бой в Мелитопольском направлении. Разбит

бронепоезд противника, но одновременно разбит и наш бронепоезд “Карл Либкнехт”, а у бронепоезда № 9 был подбит паровоз»[239].

13 марта на Мелитопольском направлении 2-я бригада Заднепровской дивизии взяла с. Спасское, ст. Федоровку и Большой Токмак.

На Бердянском направлении части 3-й бригады (Махно) заняли Ново-Михайловку, Казанковатую, Семеновку и Ново-Полтавку к юго-западу и югу от ст. Пологи[240].

14 марта первая бригада Григорьева заняла г. Николаев, вторая бригада г. Мелитополь, мы же 15 прорвались в г. Бердянск.

Город брал 7-й полк Калашникова. Фронтовые войска, выполняя приказ, прошли только окраинами города, активно преследуя противника по направлению к Мариуполю. Преследование продолжалось до тех пор, пока мы не натолкнулись на жестокую оборону противника между Бердянском и Мариуполем.

Через пару дней в Бердянск вошли наши тыловые части и пополнение. Поезда встречала масса народа. Это был прямо-таки праздник.

Разведка доносила, что в городе есть гуляйпольцы, сотрудничавшие с оккупантами и белогвардейцами, выдавали им повстанцев и их семьи, участвовали в казнях, жгли хаты, служили в полицейских органах, были тайными и явными агентами, представителями белой власти и т. д.

Калашникову было дано указание арестовать эти элементы и провести следствие.

Виновные в убийствах, истязаниях, предательствах понесли суровое наказание.

Типичные события при освобождении повстанцами городов, описал Дыбец[241]:

«...в Бердянске, который в 1918 году был захвачен немцами, передавшими затем власть русским белогвардейцам, водворилась тогда такая реакция, что мы некоторое время ничего не предпринимали. Принесет кто-нибудь новость. Обсуждаем ее группой в пять-шесть человек. Другого дела, собственно говоря, не было, хотя в уезде, как я вам уже рассказывал, происходили крестьянские восстания, действовали партизанские отряды.

Примерно в январе или в первых числах февраля 1919 г. у белогвардейцев в Бердянске началась паника. Они принялись грузиться на пароходы. Пулеметы трещат по всему городу, а они срочно грузятся с имуществом и лошадьми. И уходят в неизвестном направлении, оставив город без власти.

На сцену выплыла бывшая городская дума. Обсудив положение, мы, горстка большевиков — в эту горстку уже был включен и я, — решили так: к чему пренебрегать властью, если она плохо лежит? Надо поднять ее, и украсить хотя бы красным флагом, а там видно будет. Пока пулеметы трещали, мы собрали за городом фракцию, то есть главным образом рабочих, о которых мы знали, что они, как говорится, большевистски настроены. На

собрании постановили, что, как только последний пароход отойдет, нужно хватать власть и создать ревком...

Как только мы сформировали власть и выпустили листовки, что вот волей рабочего класса организован ревком, которому принадлежит вся власть в городе, что рабочий класс принимал участие в выборах ревкома, делегировав от таких-то заводов таких-то товарищей, тотчас же начали сколачивать и свою собственную вооруженную силу для поддержания порядка в городе...

Примерно через неделю после того, как мы провозгласили власть ревкома, к городу подошли махновские отряды. Нестор Махно тогда был в такой ипостаси: командир третьей советской бригады имени батько Махно...

Махно таким образом явился в качестве командира бригады Красной Армии. Нам ничего другого не оставалось, как его приветствовать: все же советские войска.

Каков он был из себя? Ну, что сказать? Был среднего роста. Носил длинные волосы, какую-то военную фуражку. Владел прекрасно всеми видами оружия. Хорошо знал винтовку, отлично владел саблей. Метко стрелял из маузера и нагана. Из пушки мог стрелять. Это импонировало всем его приближенным — сам батько Махно стреляет из пушки.

Тут надо упомянуть, что в 1905 г. моя Роза (то есть в ту пору еще не моя, так как познакомились мы только в Америке) сидела в одесской тюрьме, и тогда же в той же тюрьме сидел и Махно. Анархисты слыхали, что меня занесло в Бердянск, что я стал большевиком, членом коммунистической партии. А Роза еще оставалась анархисткой. Встреча ее с Нестором — это встреча старых бойцов. Затем Махно подходит ко мне.

— Здравствуй, Дыбец. Значит, ты ренегат теперь?

— Здравствуй. Значит ренегат.

— Выходит, совсем большевик?

— Выходит, совсем.

— Да, многие продаются большевикам. Ничего не поделаешь.

— Значит, продаются. И я продался.

— Но гляди не пожалей.

— Гляжу.

Такой примерно разговор, не в дружеских, как видите, тонах но и не на высоких нотах, у нас произошел...

Здесь надобно сказать, что Бердянск отличался от других городишек тем, что там подвалы были полны вина...

Я ему сказал:

— Ты войсками город занял зря. Если хочешь спасти свои войска, надо их медленно выводить на фронт. А город будет вас снабжать обмундированием, продовольствием. В пределах возможности поможем. Судя по сводке, которую я имею, твоя армия перепилась вдребезги. А присосавшись к вину, она не уйдет, пока все не высосет. Однако вина здесь столько, что твоя бригада будет пить целые месяцы.

Махно мне ответил, что в таких советах не нуждается. Сегодня его приказом будет назначен комендант города. Этому коменданту мы обязаны подчиняться...

Я ему заявил, что мы на это не пойдем, что мы собственными силами гарантируем здесь порядок. Он как командир бригады может предъявить нам требования. Все его требования мы постараемся удовлетворить. Но самоустраняться от власти мы не собираемся. Так что ему придется арестовать весь ревком.

— Мы не возражаем насчет коменданта, однако и у ревкома есть свои права. Если желаешь, будем об этом договариваться... Мы должны отстаивать свои права как революционная советская организация. Городом и уездом мы должны управлять... для поддержания порядка надо довооружить патронами тот батальон, который мы создали, и у нас будет своя надежная военная сила для охраны города с тем, чтобы, если ворвется грабитель или разложится какая-либо воинская часть, мы могли бы твердой вооруженной рукой водворить порядок.

К вечеру Махно действительно вновь к нам приехал. Мы выступили с нашей декларацией. Он заявил, что ему такая декларация ни к чему. Он человек военный и признает только военную власть.

— Эдак не пойдет. Тогда арестуй нас сразу. Город мы не уступим никому. Тем более что надо насаждать Советскую власть в селах.

— Да, зерно и фураж уездная власть должна нам дать. Поэтому черт с вами, оставайтесь, будете нас снабжать. И надо найти контакт...»[242].

Во второй половине марта разведка доложила Махно, что за действиями повстанцев пристально наблюдают, и руководство страшно недоволено его действиями и тем авторитетом, которым он пользуется, что с ним собираются серьезно поговорить, а возможно и ликвидировать.

И действительно, Махно вызывали в штаб дивизии в г. Екатеринослав для отчета. Он сослался на то, что готовит наступление на Мариуполь и договорился с Дыбенко о встрече в Бердянске.

Разведка докладывала, что на Махно должны покушаться, и охрана Дыбенко это может осуществить.

Штаб принял меры предосторожности, усилив караулы, охрану, выставив секреты и т. п. Привели в порядок находящиеся в Бердянске войска.

Дыбенко приехал вечером. Выслушав рапорт Махно и приветствия, он выступил с речью, в которой похвалил повстанцев-махновцев и хорошо отозвался о Махно, Калашникове и других командирах. После митинга под духовой оркестр был проведен парад войск, по окончании которого Махно пригласил Дыбенко в штаб, расположившийся в центральной гостинице.

Во время беседы Махно прямо заявил Дыбенко, что он имеет сведения о том, что на него готовится покушение, в котором отведена какая-то роль и ему (Дыбенко). Версию Махно, Дыбенко опроверг и заявил, что считает Махно революционером, много сделавшим для революции, что Махно пользуется заслуженным авторитетом и что он, Дыбенко, не то что сам, а если бы даже узнал, что власти готовят покушение обойдя его, то заранее сообщил бы Махно об этом. Говорил, что Махно на хорошем счету у командования, а если и бывают какие замечания, то просто хотят подтянуть, подбодрить. Указывал на вредную деятельность в войсках и в округе анархистов и левых эсеров, которые, дескать, сильно подводят Махно.

Дыбенко подчеркивал, что в рядах советских работников есть немало людей, старающихся скомпрометировать честных борцов революции, что на него тоже клязничают и клеветают, и что вот недавно опять была комиссия, которая его действия оправдала.

Потом Дыбенко сказал Махно, что хочет ему сообщить нечто важное с глазу на глаз, и они ушли в номер.

На второй день, часам к 10, на совещание был созван командный состав, где выступил Дыбенко. Он говорил о состоянии фронта, об отсутствии политических сил, о дисциплине, бандитизме, революции, долге и пр.

Прощаясь со всеми, Дыбенко еще раз сказал Махно, что никаких покушений быть не могло, а в случае чего он сам не допустит этого и будет считать своим долгом сообщить ему об этом.

15 марта Антонов-Овсеенко приказывал Скачко: «Необходимо всемерно развить успех Махно и к 23 марта захватить линию Мариуполь–Платоновка, действуя в контакте с частями Донецкого бассейна. В первую очередь замкнуть Крым и освободить силы для действия на востоке. Свои оперативные приказы представить 17 марта»[243].

17 марта после ожесточенных боев мы вторично заняли город и узловую станцию Волноваху.

Но общее положение в Донбассе ухудшалось, и главком Вацетис своей директивой от 17 марта требовал от Антонова-Овсеенко: «Из донесений Командюж видно, что из состава

Украинского фронта для участия в решительном сражении в Донецком бассейне до сих пор еще не прибыло ни одного полка и ни одной батареи. Мало того, я усматриваю, что вы относитесь индифферентно к исполнению отданных вам мною приказов. Повторяю, что все приказы относительно посылки помощи Южфронту должны быть выполнены точно...»[244].

В директиве командования фронта командованию группы войск Харьковского направления о задачах в предстоящем наступлении на Одессу и Крым от 17 марта 1919 г. говорилось: «В связи с предстоящими операциями штабу группы перейти в Екатеринослав, штабу Заднепровской дивизии — в Александровск. Переход закончить к 25 марта...

...Для операций к востоку от Днепра остаются две бригады Дыбенко (то есть 2-я бригада Заднепровской дивизии обязана была укрепить фронт Волноваха–Мариуполь, занимаемый 3-й бригадой Махно. — А. Б.).

Для действий в Крыму формируется в районе Херсон–Берислав отдельная бригада. Полк [им.] Шевченко входит [в нее] и немедленно должен быть переведен в Херсон, оставаясь в резерве фронта и доформировываясь губвоенкомом. В Екатеринослав вместо нее войдут части 9-й дивизии...»[245].

17 марта политический инспектор 1-й Заднепровской дивизии тов. Жигалин доносил: «...Посетил 17-й, ныне 5-й Заднепровский полк. Здесь нашел, что полк имеет физиономию регулярного сравнительно с махновскими полками.

Масса записывающихся добровольцев, 15 тыс., но нет оружия. Не получившие оружия питают надежду поступить к Махно, где, по их мнению, вообще лучше. Точно так же в деревнях кулаки, бандиты, искатели приключений и легкой наживы — все тянутся к Махно, популярность которого невероятна...»

Тогда же политкомиссар Заднепровской дивизии т. Алексакис телеграфировал командованию:

«17 марта из (неразборчиво — А. Б.) были отправлены 2 вагона с анархической литературой и воззваниями к Бердянску и Мариуполю с агитаторами анархистами и левыми эсерами. Приняты меры к задержанию и преданию их Чрезвычайной следственной комиссии, сообщено о задержании их на Синельниково.

Газета анархистов “Набат” с 9 марта прикрыта, но теперь неизвестно откуда, достав деньги, опять начала выходить. Анархисты и левые эсеры рассылают агитаторов к Бердянску и Мариуполю. Гуляй-Поле сделалось базой лучших анархических сил. Разосланы люди в районы Александровского уезда для формирования полков имени Батько Махно. Много вооружения, снарядов и боевых припасов интендантскими грузами стягивается в Гуляй-Поле, появилась Маруся Никифорова, которая устраивает митинги и ведет усиленную агитацию против назначенцев и коммунистических организаций. Нужно прислать побольше опытных старых коммунистов, а не молодых мобилизованных трусов, которые не годятся для работы в 3-й бригаде (мнение тов. Якушенко). В Пологах назначен военным комиссаром анархист Ивахнин. В ближайшем времени при 3-й бригаде открываются курсы красных офицеров. Среди командного состава нет опытных офицеров ввиду выборного начала.

Единственный назначенный командир 9-го полка тов. Тахтамышев, который действительно заслуживает звание командира и который представлен к награде Красного Ордена. Задержанный анархистами вагон литературы возвращен и литература разослана по полкам для организации библиотек и распределения среди населения. Махно выпустил воззвание, в котором, рисуя положение повстанцев во время реакции и описывая период февральской, мартовской и Октябрьской революций, говорит: “Прочь с дороги всех паразитов, прочь всех тех, кто учится стричь! На вашей шкуре, оставляя вас в минуты опасности и всячески стараясь призывать и распорядиться”. (Отсутствие строк — А. Б.)... знания для творческой работы, которая должна последовать за разрушением. Воззвание говорит: “Знайте, что в сознании и мощности его наша сила, наша победа, что только при помощи его устраним гнёт, насилие и обман буржуазии и властолюбцев, под маской социализма творящих свои темные делишки, стремящихся управлять миром и вами”. В общем воззвание направлено против Советской власти и коммунистической партии и призывает к свободным анархическим общежитиям. Хотя открыто это и не говорится»[246].

Работавшая у нас во второй половине марта особая комиссия Высшей военной инспекции дала заключение о состоянии войск 3-й бригады Заднепровской дивизии:

«Общее положение Екатеринославской губернии печально. Острый продовольственный кризис. Безработица. Заводы стоят. Рабочие, ожидавшие, что Советская власть пустит заводы, сильно недовольны; антисемитская агитация. Анархо-антисемитская агитация разлагает части гарнизона. Благодаря брожению в частях общее положение в уездах неустойчивое. Даже 80-й полк 9-й дивизии, прибывший из России, разложился. Коммунистические организации в уездах очень слабы. Работа их в деревню почти не проникла, благодаря этому партизанское подпольное движение, встретив активный центр в группах анархистов “Гуляй-Поле”, подпало под их руководство и влияние. Части “Батьки Махно” крепко пропитаны духом и тенденциями бесшабашного вольного Запорожья. Настроение частей революционное, боевое, бодрое.

В последнее время на фронте стала налаживаться культурно-просветительная работа, устраиваются митинги, собрания, лекции, концерты, школы грамотности. Началась чистка командного состава, арестован из начальников отряда Махно Дербенджи. Тормозом является недостаток сознательных и энергичных коммунистов и отсутствие коммунистической литературы. Благодаря деятельности культурно-просветительного подотдела, недостаток литературы ощущается в несколько меньшей степени»[247].

21 марта в штабе бригады было совещание комсостава. Махно ознакомил всех с оперативным приказом по группе войск Харьковского направления об общем наступлении. В нем, в частности, говорилось: «...Начдиву 1-й Заднепровской т. Дыбенко частям 2-й бригады произвести решительное наступление на Новоалексеевскую с целью овладения железнодорожным путем через Чонгарский полуостров, чем принять все меры, чтобы не дать противнику взорвать Чонгарский мост. В то же время поддержать бригаду т. Махно, которому решительным энергичным наступлением на восток выйти на линию Платоновка–Мариуполь, закрепляя за собой узлы железных дорог, завладеть указанными пунктами и уничтожить живую силу противника...»[248] Зачитав приказ по бригаде о наступлении в восточном направлении, Махно объяснил, что с хода Мариуполь взять не

удалось и от него пришлось несколько отступить. Сейчас происходит передислокация войск и город будут брать 8-й и 9-й полки. Взятие его усложняется присутствием на рейде военных кораблей Антанты. Но Мариуполь тем не менее окружен с трех сторон, и в ближайшие дни будет взят...

Выступивший Голик[249] сообщил, что: «Дыбенком приготовлена ударная Крымская группа войск. Крымская операция должна осуществляться семью пехотными и одним кавалерийским полком и сильной артиллерией, однако наши потребности игнорируются ссылкой, что нет оружия, нет формирований.

На Украине производится мобилизация офицеров и назначение их на командные должности. В нашей дивизии они уже есть и еще будут прибывать, хотя Дыбенко к руководству их еще не допускает.

Создается впечатление, что нас хотят тихо свести на нет. Нас плохо снабжают, не дают пополнений, оружия, боеприпасов и т. д. Наша бригада постоянно находится в тяжелых кровопролитных боях и естественно, несет большие потери. Очевидно хотят, чтобы мы довоевались до изнеможения. Внедряют в руководство бригадой своих людей. Готовят переформирование бригады, очевидно, с целью пополнить ее северными войсками, растворить и заменить командный состав.

По тылам замечается преследование махновцев, активизация продотрядов и т. д.

В пропагандистской работе властей замечается оживление, направленное на компрометацию нашего движения и лично тов. Махно.

Есть предположение о наличии деникинцев в штабе Украинского фронта и где-то ближе к нам.

О расположении и силах противника я штабу уже докладывал, — закончил Голик.

Слово предоставили тт. Херсонскому и Чернокнижному, присутствовавшим на III-м Всеукраинском съезде Советов в качестве наблюдателей. Они информировали о работе прошедшего съезда, высказали свое мнение.

При обсуждении их отчета совещание пришло к общему выводу, что находящиеся у власти коммунисты многопартийную систему не потерпят, что мы являемся для комиссаров политическими противниками и, судя по всему, против нас они поведут открытую кампанию клеветы и травли, а создав общественное мнение, и при удобном случае постараются ликвидировать. Создав у нас обстановку нервозности, недоверия и недовольства, лишив возможности влиять на происходящее в тылу нашего района, доверив нам фронт. Сами же будут пахать наш тыл вдоль и поперек, проводя в жизнь аграрный и продовольственный законы, создавая этим недовольство крестьян, что скажется на боеспособности войск, состоящих исключительно из добровольцев, которые в свою очередь спросят нас: “Сможете ли вы обеспечить выполнение решений съездов II-го Всеукраинского в г. Екатеринославе, состоявшегося 17-19 марта 1918 г. и 2-го повстанческого, прошедшего в Гуляйполе 12-16 февраля 1919 г.?” Правительство на этой почве постарается внести в наши ряды раскол.

Мы обязаны исполнить обещанное. Оказаться несостоятельными болтунами не можем. Народ нам доверил, и предать его — преступление.

Если мы отстоим крестьян, недовольно будет правительство. Если не отстоим, будем предателями дела революции, этим предадим фронт и полностью потеряем свое лицо».

Выступающий последним, Веретельников сказал: «Товарищи, пусть большевики не мешают нам, пусть откажутся от этого района, пусть не навязывают ему своих комиссаров, пусть знают, что мы независимый народ, тогда они наши друзья. Мы будем с ними в федеративных отношениях, будем помогать, пусть только не мешают!» Все присутствующие были солидарны с ним.

На следующий день командиры разъезжались на фронт и по местам службы. Сбор был назначен на утро в штабе бригады.

У штаба толпились местные крестьяне. Мимо проехали тачанки с пулеметчиками, горланящими песню. В толпе я заметил Чубенко, удивленно разводящего руками перед старухой-немкой. Он окликнул меня: «Что будешь делать с подлецом? Убил, расстрелял, компрометация самой чистой воды!»

Мы вошли в номер Махно. Там женщина рыдала и что-то говорила на немецком языке. С трудом поняли о чем она просит и перед нами встала кошмарная картина. Выяснилось, что 18 марта штаб поручил Щусю поехать в немецкую колонию Яблуковую за контрибуцией. Прибыв на место, он собрал сход, на котором объявил постановление штаба. К сожалению, немцы такой крупной суммы не имели и снарядили делегацию в ближайшую колонию, чтобы там позаимствовать. Щусь не поверил колонистам и расстрелял восемь самых богатых хозяев. Теперь женщина просит разрешения предать трупы земле.

Вызванный Щусь был разоружен и арестован.

«Что ж, приехал туда, сказал, чтобы снесли, а они плечами двигают — нет, мол, надо делегацию посылать к соседям. А что я дурень какой или мальчик, не знаю, что это значило? Небось хотели звать на помощь, убить помышляли, буржуи проклятые. Контрибуцию 50 тыс. рублей по акту и до копейки я сдал начснабу бригады Ольховику[250]. Виноват — судите!» оправдывался Щусь.

Немка, получив разрешение, рыдая уехала хоронить убитых.

Махно же отослав часового, приставленного к Щусю, буквально взорвался.

— Расстреляю, как подлеца, даю слово, если повторишь — расстреляю! Сволочь такая — как мародера, как врага! — горячился Махно. Щусь давал слово не повторять убийств и клялся в верности движению и Махно.

— А вы какого черта до сих пор не уехали? Небось там большевики успели обделать вас? — кричал Махно на Каретникова, Черняка и Уралова. — Кто вас просил сюда, на кого оставили город?

Семен Каретников неделю тому назад был назначен штабом бригады начальником гарнизона г. Бердянска, Уралов — комендантом города и порта, Черняк — начальником контрразведки и начальником формирования. Без разрешения штаба они оставили службу и приехали на совещание, отчего Махно злился.

— Сейчас, сейчас едем, какого ты дьявола кричишь, голова болит или похмелиться хочешь?
— отвечал Каретников.

— Не знаю, батько, что делать с большевиками. Рядом с моей контрразведкой работает Чека. Правда, в ней часть наших старых повстанцев и сотрудников бывшего Оперативного штаба, жаль парней! Но, нет спасения, безобразят, подлецы, — докладывал Черняк. — Всячески стараются мешать нам; арестовывают наших, не дают формироваться. Ими руководит большевистская ячейка.

— Э, сволочи! Я ведь говорил: не кладите пальца в рот — откусят. Разогнать и только! — нервничал Махно. — А как формирование полка?

Черняк формировал в Гуляйполе при штабе — особую бригаду, способную стать резервом штаба. Но с занятием Бердянска и ухода 7 полка Калашникова на Мариуполь, Черняк был направлен туда для несения гарнизонной службы. Теперь он продолжал формироваться и имел уже кавалерийский полк в 650 сабель и стрелковый батальон до 800 штыков.

Кроме того, Ишенко, Паталаха и Зубков формировали отряды в своих селах и должны были занять позиции по указанию штаба формирования, в то время находившегося при Военно-Революционном Совете. Добровольцев было немного, так как начались полевые работы, где была занята молодежь. Все ожидали результатов уравнительной самоорганизации, с новым притоком сил, можно было бы говорить о сосуществовании с большевиками.

— Это черт знает что, — говорил Махно комиссару — (большевику) Петрову, приехавшему вместе с Озеровым[251]. — Ведь говорил, предупреждал, и, кажется, договорились; вы обещали распустить свои организации: Чеку, продкомиссии, партийные комитеты, военкоматы, а теперь снова принялись! И поверь, товарищ Петров, плохо дело будет, если не прекратите. Оставьте нас, не трогайте крестьян, не опекайте рабочих, все будет хорошо. Предоставьте в этих уездах нам свободу анархо-коммунистического строительства; делайте за пределами их все эксперименты, мы не будем нападать, только оставьте нас, не вмешивайтесь в наши семейные дела!

— Товарищ Махно, ведь мы договорились, загляните в договор и увидите, что мы с вами в военном союзе. Занятая территория принадлежит и вам и нам: без нашей помощи вы бы ее не заняли. А коль так, мы и работаем вместе. Мы не виноваты, что рабочие не хотят жить без власти и по своему почину формируют свои организации, свою Чеку от налетов ваших партизан. Не виноваты, что вы приняли комиссаров в свои полки, которые поддаются коммунистическому воспитанию, — отвечал Петров,

— Я не так, как вы понимаю союз, — перебил Махно. — Вместе мы бьем Деникина, но цели наши разные. Ваши войска освобождают районы, они принадлежат вам; а наши полки освобождают, районы принадлежат нам. Не мешайтесь в наши семейные дела.

